

18+

The Magician King
**КОРОЛЬ
ВОЛШЕБНИКОВ**
ЛЕВ ГРОССМАН

По мотивам книги выходит сериал «Волшебники»

Лев Гроссман
Король Волшебников
Серия «Волшебники.
The Magicians», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21165307
Лев Гроссман. Король Волшебников: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-096517-5

Аннотация

Квентин и его друзья теперь короли и королевы волшебной страны Филлори. Но богатства, роскошь и праздный образ жизни начинают понемногу утомлять неугомонного Квентина, он жаждет приключений. Когда привычная утренняя охота принимает неожиданный зловеющий оборот, Квентин и Джулия садятся на корабль, чтобы совершить путешествие по просторам своего королевства. Однако невероятным образом друзья оказываются в последнем месте, в котором хотели бы, — в реальном мире, недалеко от родного дома Квентина. И только навыки темной магии, которым Джулия незаконно обучалась в «убежищах» для волшебников, не принятых в Брекбиллс, могут помочь им вернуться обратно и спасти Филлори от нависшей угрозы.

Содержание

Книга первая	5
Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	45
Глава 4	68
Глава 5	72
Глава 6	94
Глава 7	103
Глава 8	118
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Лев Гроссман

Король Волшебников

Lev Grossman

THE MAGICIAN KING

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International
Literary Agency.

© Lev Grossman, 2011

© Виленская Н., перевод на русский язык, 2012

© ООО «Издательство АСТ», 2016

***

Посвящается Софи

***

*Едем разыскивать то, чего не найдем.
Томас Мэлори, «Смерть Артура»*

Книга первая

Глава 1

Квентин ехал на серой, в белых чулках лошади по имени Безупречная. Черные сапоги до колен, лосины разного цвета, синяя накидка, расшитая мелким жемчугом и серебром, на голове платиновая корона, на бедре меч – не церемониальный, а самый настоящий, пригодный для боя. Было десять часов утра пасмурного, но теплого дня в конце августа. Король Филлори охотился на волшебного кролика.

Рядом с королем Квентином ехала королева Джулия, впереди другие король с королевой, Дженет и Элиот: страной Филлори всегда правили четверо. Желтые листья на лесной тропинке словно флорист раскидал, так красиво они лежали. Каждый из четверых думал о своем, вглядываясь в зеленые чащи позднего лета.

В их молчании не чувствовалось ничего напряженного: с чего напрягаться, если сбылась мечта всей твоей жизни.

– Стоп, – скомандовал Элиот, и все остановились, только Квентин не сразу совладал со своей кобылой: два года в ко-ролях, а ездить как следует так и не научился.

– Что там такое? – спросил он.

Мгновения шли, никто никуда не спешил. Безупречная

фыркнула, выражая презрение человеческим выдумкам.

– Так, показалось, – ответил Элиот.

– Я начинаю думать, что кролика затравить невозможно в принципе, – сказал Квентин.

– Зайца, – поправил Элиот.

– Не вижу разницы.

– Зайцы крупнее и живут не в норах, а в гнездах. Прямо на земле.

– Не начинай, – произнесли хором Дженет и Джулия.

– Мне, собственно, вот что хотелось бы знать: если этот кролик действительно видит будущее, разве он не знает, что кто-то хочет его поймать?

– Будущее он видит, но изменить ничего не может, – внесла ясность Джулия. – Вы что, и в Брекбиллсе все время так спорили?

Амазонка на ней черная, накидка с капюшоном такая же. Она всегда точно в трауре, непонятно только по ком. Небрежно, точно подзывая официанта, Джулия приманила на руку маленькую певчую птичку и поднесла ее к уху. Птичка прошебетала что-то и упорхнула.

Кроме Квентина, этого никто не заметил: Джулия постоянно получала какую-то информацию от говорящих животных, точно из персональной радиосети.

– Надо было все-таки Джоллиби взять, – зевнула Дженет, прикрыв рукой рот. Джоллиби служил в замке Белый Шпиль егермейстером; такого рода выезды, как правило, организо-

ывал он.

– Даже Джоллиби вряд ли способен выследить зайца без собак и без следов на снегу, – заметил Квентин.

– Зато у него хорошо развиты икроножные мышцы. Очень мило смотрятся в этих его колготках.

– Я тоже такие ношу, – притворился обиженным Квентин.

– Думаю, он все равно где-то здесь, – предположил Элиот, – просто держится на почтительном расстоянии. Разве он королевскую охоту пропустит?

– Дичь надо выбирать с осторожностью – вдруг поймашь, – изрекла Джулия.

Дженет и Элиот только переглянулись, услышав очередной ее афоризм, но Квентин понимал, что в чем-то она права.

Он не всегда был королем – как, впрочем, и все остальные. Вырос он в отнюдь не волшебном Бруклине, о котором, несмотря ни на что, до сих пор думал как о реальном мире. Филлори для него тогда была выдуманной страной из детских сказочных книжек; только в Брекбиллсе, тайном колледже для волшебников, они убедились в ее реальности.

На поверку она оказалась куда более опасным местом, чем в книгах Пловера: здесь случались убийства и еще более страшные вещи. После первого знакомства с волшебной страной Квентин вернулся на Землю в отчаянии и с побелевшими волосами, но друзья убедили его вернуться.

Памятуя о недавних потерях и преодолевая страх, они за-

няли свои троны в Белом Шпиле. Порой Квентину не верилось, что можно жить вот так припеваючи после гибели Элис – ведь и она, его любимая, могла бы наслаждаться всем этим наряду с ним.

Но он продолжал жить и радоваться, иначе вышло бы, что Элис погибла зря. Он отцепил лук, привстал на стремянах, огляделся. Хруст коленных суставов примешался к шороху опадающих листьев.

Серо-бурый комок прокатился через тропку футах в ста от него и скрылся в кустах. Плавным, хорошо отработанным движением Квентин достал стрелу, самую обыкновенную – пользоваться волшебной было бы неспортивно, – натянул тетиву, прицелился, выстрелил.

Стрела по самое оперение вонзилась в рыхлую почву там, где только что сидел заяц.

– Чуть-чуть не попал, – констатировала Дженет.

Фиг его добудешь, этого зверя.

– Ну, от меня-то не уйдешь! Ииихааа! – Элиот пришпорил своего вороного, и тот, подобающим образом взвившись на дыбы, ринулся в лес. Треск погони затих почти сразу: кто-то, а Элиот был отменным наездником.

– Седой, а Седой, – сказала Дженет, – что мы, собственно, здесь забыли?

Хороший вопрос. Дело, конечно, не только в зайце, а... в чем еще? Что они ищут? Их жизнь в замке состоит из сплошных удовольствий. Большой штат прислуги предупреждает

каждое их желание, как будто они – единственные гости двадцатизвездочного отеля, выезжать из которого никогда не придется. Элиот чувствует себя на седьмом небе: при всех брекбиллских плюсах – винах, роскошных яствах и торжественных церемониях – здесь еще и делать ничего не приходится. Должность короля его устраивает как нельзя более.

Квентина она тоже устраивала, но чего-то ему все-таки не хватало. Он сам не знал чего, но когда на подведомственных Белому Шпилю землях заметили Зайца-Провидца, он решил отдохнуть от безделья и попытаться его поймать.

В Филлори имелось с дюжину волшебных животных. К ним относился Странствующий Зверь, когда-то исполнивший три желания Квентина. Была еще большая, похожая на казуара Птица-Миротворица – она не умела летать и оставлиwała любую битву, появившись на поле между двух вражеских армий. Крупная ящерица по имени Исчезальник могла сделать тебя невидимым на год, если тебе это требовалось.

Людам они показывались очень редко, в руки и подавно не давались, поэтому слухи о них ходили самые нелепые. Никто не знал, откуда они взялись, какая в них польза и есть ли она вообще. Заяц-Провидец, согласно легенде, предсказывал будущее поймавшему его человеку, но его веками никто не ловил.

Квентина в данный момент будущее, в общем, мало тревожило – оно, по его понятиям, не слишком отличалось от

блаженного настоящего.

На охоту выбрались рано, еще по росе. Распевали «Где же ты, кволик» на мотив «Полета валькирий», подражая по мере способностей Элмеру Фадду¹. С тех пор зверек водил их по лесу, то появляясь, то пропадая, закладывая петли и скидывая назад.

– Не думаю, что он вернется, – сказала Джулия. В последнее время она стала немногословна, но выражалась исключительно правильно.

– Уж как-нибудь выследим – не его, так Элиота. – Дженет выехала на охоту в зеленой блузе с низким вырезом и ковбойских гамашах; с ее подачи мужские элементы в одежде стали при дворе писком моды.

Средством передвижения Джулии служила не лошадь, а мохнатое четвероногое лошадиного размера, которое она именовала виверрой. Квентин подозревал, что эта виверра говорящая: животное смотрело очень осмысленно и с явным интересом слушало их разговоры.

Безупречная, не любившая виверру из-за чуждого запаха, скованной походкой свернула вслед за ней в лес.

– Что-то дриад не видно, – заметила Дженет. – Они ведь должны здесь быть?

– Их никто не видит больше в Лесу Королевы. – Жаль, конечно. Красотки в платьях из сквозной листвы, живущие

---

¹ Элмер Фадд, персонаж из старых мультфильмов «Уорнер бразерс», старался подстрелить кролика Багса.

на дубах, — одна из составляющих волшебного мира.

— Может, они помогли бы нам с этим зайцем. Ты не могла бы вызвать одну из них, Джулия?

— Бесполезно. Они не придут.

— Так боролись за зоны своего проживания, а теперь вдруг пропали. Разве есть в Филлори лес темней и волшебней этого? Почему они не являются?

— Они не привидения, — уточнила Джулия. — Они духи.

Лошади осторожно перебрались через насыпь, слишком ровную для естественной. Земляные работы давних, навсегда ушедших времен.

— Надо бы как-то остановить их, — сказала Дженет. — Принять соответствующий закон или просто задерживать их на границе. Что за фигня — лес без дриад.

— Попробуй, — ответила Джулия. — Дриады, знаешь ли, неплохо воюют. В лесу их не разглядеть благодаря мимикрии, а вооружены они колями.

— Никогда не видал, как дерутся дриады, — вставил Квентин.

— Потому что никто в здравом уме не стал бы их провоцировать.

Виверра, заключив, что лучше уже не скажешь, рванула вперед. Два крепких дуба отклонились в стороны, пропустив Джулию, и снова сошлись — Дженет и Квентину пришлось ехать в обход.

— Можно подумать, что она родилась здесь, — сказала Дже-

нет. — Достала уже своими псевдофиллорийскими штучками. Видел, как она общалась с той долбаной птицей?

— Не цепляйся к ней, все нормально, — ответил Квентин. Ой ли? Если честно, с королевой Джулией явно что-то не так.

Магии она обучалась не в Брекбиллсе. В колледж они с Квентином поступали вместе, но Джулия не прошла и стала учиться самостоятельно. Не получив систематического образования, она ворожила по-дилетантски, и Квентин порой удивлялся, как у нее вообще хоть что-то выходит.

При этом она владела техникой, неведомой трем остальным. Без профессорского надзора она встречалась с людьми, к которым Квентин и близко не подошел бы, и набралась знаний, о которых он и помыслить не мог.

Даже ее манера говорить отличала Джулию от всех остальных. Они в Брекбиллсе привыкли относиться к магии иронически, а Джулия принимала ее всерьез, одевалась по-готски в черные платья и подводила глаза черным карандашом. Дженет и Элиот посмеивались, а Квентин нет. В Джулии присутствовал загадочный мрак, на фоне которого три других правителя казались чересчур светлыми, и Квентину это нравилось.

Филлорийцы тоже одобряли ее. Особенно крепкая связь у нее наладилась с самыми экзотическими видами подданных: духами, элементалами, джиннами и теми, кто обитал в зыбкой области между биологической жизнью и чистой магией. Джулия была их обожаемой королевой-колдуньей.

Годы учения, однако, не прошли для нее бесследно. Она не нуждалась больше в обществе людей и могла вдруг уйти куда-то в разгаре бала, торжественного обеда или обыкновенного разговора. Это случалось все чаще, заставляя Квентина гадать, какую цену заплатила Джулия за свое обучение. Когда он спрашивал ее об этом, она уклонялась. Может быть, он влюблялся в нее по новой?

Вдали пропел рожок – три серебряные ноты в густой тишине. Элиот трубил сбор.

До Джоллиби он не дорос, но понять, что это за сигнал, было можно. Законотворчеством Элиот не особенно увлекался, а вот придворный этикет, включая охотничьи ритуалы, соблюдал скрупулезно. (Только убивать не любил и всячески избегал этого.) Безупречная встрепенулась, готовая помчаться галопом в любой момент. Квентин, обменявшись ухмылками с Дженет, издал ковбойский клич и дал лошади волю.

Это было не менее опасно, чем автомобильные гонки. Рвы и буераки возникали впереди без всякого предупреждения, ветки норовили снести тебе голову (а что бы вы думали? Неизвестно, что на уме у этих старых деревьев). Да наплевать, на то целительные чары придуманы. Бедная чистокровка все утро ковыляла по лесу нога за ногу, надо же ей размяться.

И так ли уж часто он подвергает свою августейшую персону риску? Когда он, к примеру, в последний раз чаро-

действовал? Днем они валяются на подушках, ночью едят и пьют. Пояс, когда садишься, начинает конфликтовать с животом. Со времени своего воцарения Квентин прибавил фунтов пятнадцать, не меньше. Неудивительно, что короли на портретах такие жирные. Из принца Вэлианта² ты очень быстро превращаешься в Генриха VIII.

Дженет, следуя на звук рога, съехала с тропы в лес. Почва давала удовлетворительную опору копытам. Благополучный, чересчур безопасный мирок двора остался далеко позади. Мимо проносились деревья, кусты, овраги, каменные изгороди, горячее солнце сменялось прохладной тенью, опавшие листья вздымались вихрем. На поляне Квентин сумел поравняться с Дженет, и с минуту они ехали параллельно, но она внезапно натянула поводья.

Квентин перевел Безупречную на шаг и развернул ее к Дженет. Что это с ней – не лошадь ли, чего доброго, захромала? Дженет выпрямилась на седле, вглядываясь в лесной сумрак. Рожок умолк.

– Чего ты?

– Там, кажется, кто-то есть.

Квентин прищурился и тоже различил очертания чьих-то фигур.

– Кто это, Элиот?

– Какого дьявола они делают? – пробормотала Дженет.

---

² Отважный рыцарь времен короля Артура; герой комиксов, выходящих с 1937 г.

Квентин спешился, взял лук, достал другую стрелу. Джанет, ведя лошадей за ним следом, применила легкие защитные чары – он ощутил знакомое статическое жужжание.

– Черт. – Квентин, бросив лук, помчался к другой паре. Джулия, припав на одно колено, держалась за грудь – рыдает или старается отдышаться? Элиот в наполовину скинутом с плеча парчовом камзоле склонился над ней.

– Ничего страшного, – сказал он, увидев побелевшее лицо Квентина. – Эта паскудная виверра сбросила ее, а сама удрала. Я старался удержать ее – где там. Джулия всего лишь ушиблась.

– Все нормально, – стал утешать Квентин, поглаживая Джулию по спине. Опять эта фраза. – Говорил я тебе, что надо ездить на обыкновенной лошади, а не на этой зверюге. Не люблю я ее.

– Она тебя тоже, – выговорила Джулия.

– Глядите. – Элиот показал в лес. – Заяц рванул туда, а она за ним.

В сердце леса пряталась круглая полянка, тихий травяной пруд. Деревья стояли у нее по краям, словно соблюдали границу, вычерченную по компасу. Ровно посередине в высокой изумрудной траве рос одинокий громадный дуб с циферблатом в стволе.

Часовые деревья были наследием Часовщицы, легендарной, но вполне реальной волшебницы, путешествующей во времени. Ее магическое чудачество, по всей видимости, не

содержало в себе ничего дурного и было живописно на свой сюрреалистический лад. Избавляться от него, будь это даже возможно в принципе, не было никакой надобности, притом деревья всегда показывали точное время.

Такое дерево Квентин, однако, видел впервые. Чтобы обозреть вершину, ему пришлось запрокинуть голову. Не меньше ста футов в высоту, в объёме дуб насчитывал около пятнадцати, а циферблат был больше Квентина. Дуб шевелил ветвями-щупальцами, словно гигантский кальмар; нижние, почти безлиственные, мотались, как в бурю, хотя в лесу никакого ветра не наблюдалось. Буря, трепавшая это дерево, не поддавалась пяти человеческим чувствам. Под ее напором сильно пострадали часы: их желобок погнулся, стекло разбилось, детали медного механизма высыпались в траву.

– Господи, ну и монстр, – сказал Квентин.

– Биг-Бен среди деревьев, – подхватила Дженет.

– Никогда такого не видел, – добавил Элиот. – Может, это первое дерево, которое она создала?

Дуб, чем бы ни был, представлял собой подлинное филлорийское чудо, непостижимое и величественное. Квентину давно уже не встречались часовые деревья – или он просто не замечал их? Он ощутил то, чего не чувствовал со времен Гробницы Эмбера: страх и даже некоторое благоговение. Тайна в своем чистом виде, основная линия, старая-пре-старая магия.

Все четверо стали в ряд на краю поляны. Часовая стрел-

ка торчала в дереве под прямым углом, как сломанный палец. Из выпавших шестеренок, точно из желудя, успел вырасти молодой дубок, в тонком стволе которого исправно тикали карманные серебряные часы – штрих типично филлорийский.

Все это обещало многое.

– Я пойду первым, – дернулся вперед Квентин, но Элиот его удержал.

– Лучше не надо.

– Почему это?

– Потому что часовые деревья так себя не ведут, и часы на них не ломаются. Я вообще не подозревал, что они могут сломаться. Что-то тут нечисто. Это заяц нас сюда привел, не иначе.

– Правильно, это же классика.

В волосах Джулии запутался сухой лист, но она уже оклемалась после падения.

– Смотрите, какая она правильная, эта поляна. Четкий круг – или, скажем, эллипс. Из ее центра – или центров, в случае эллипса – идут какие-то мощные чары.

– И неизвестно, что случится с тем, кто туда сунется, – сказал Элиот.

– Понятно, что неизвестно – поэтому я и иду.

Вот что мне нужно, подумал Квентин. Он ждал чего-то такого все это время, не сознавая, что ждет. Настоящее приключение – почему остальные еще колеблются? Ржание Без-

упречной нарушило тишину.

Дело тут не в отваге. Просто ребята подзабыли, кто они есть, где находятся и какая у всего этого цель. Квентин подобрал лук, встал в позицию и пустил стрелу в дуб. Она тут же стала замедлять ход, будто двигалась не в воздушной, а в водной среде. Потом закувыркалась, остановилась совсем, зависла в пяти футах над землей – и рассыпалась беззвучными белыми искрами.

– Ух ты, – не сдержал смеха Квентин. – Заколдованное местечко, как пить дать. Ну чего вы? Давно сказок не читали?

– Сам их вспомни, – сердито ответила Дженет. – А заодно и Пенни, которого что-то не видно последнее время. Я не собираюсь все годы своего царствования кормить тебя с ложечки.

Вспомни Элис, могла бы сказать она, но Квентин и так ее помнил. Элис больше нет, но они-то живы, а из таких вот вещей и состоит жизнь. Ноги в сапогах свербели, порываясь ступить за четко очерченный край волшебной поляны.

Все остальные правы, конечно: от этого кругляшка так и несет злыми чарами. Пружина вот-вот сработает, и ловушка захлопнется, ну и пусть. Ему очень хочется сунуть туда палец и посмотреть, что получится. Хочется чего-то свеженького и опасного после застойной дворцовой жизни. Тем более что защитная пластиковая обертка уже снята.

– Вы правда не хотите? – спросил он.

Джулия промолчала, Элиот мотнул головой.

– Попробую прикрыть тебя отсюда, но это и все.

Он начал выстраивать элементарную защиту для обнаружения явной угрозы. Магические разряды трещали вокруг его пальцев. Квентин обнажил меч, над которым трое других постоянно прикалывались. Пусть их, зато с ним чувствуешь себя как герой – по крайней мере, выглядишь таковым.

Джулия, если подумать, тоже не смеется над этим, хотя у нее на текущий момент с юмором как-то не очень. Если понадобится прибегнуть к магии, он просто бросит меч, вот и все.

– Что ты делать-то собираешься? – подбоченилась Дженет. – На дерево лезть?

– Придет время, пойму.

– Мне это не нравится, Квентин, – сказала Джулия. – Это место, это дерево... они могут в корне изменить наши судьбы.

– Перемена нам будет только на пользу.

– Говори за себя, – отрезала Дженет.

Элиот, закончив работу, сложил большие и указательные пальцы ромбом и осмотрел поляну сквозь эту рамку.

– Ничего как будто не видно...

Два здоровенных церковных колокола под кроной мрачно пробили одиннадцать раз: дуб продолжал отсчет времени, хотя часы и сломались. Потом звон затих, и тишина вновь залила поляну.

Все смотрели на Квентина, а он, не двигаясь с места, обдумывал слова Джулии о возможной перемене в их судьбах. Его лично судьба одарила по полной: он владеет нехилым замком с дворами, наполненными филлорийским медовым солнцем, и ажурными башенками. Может, не стоило бы? Еще концы отдашь, чего доброго; с Элис случилось именно это.

Кроме того, он король. Есть ли у него право нестись не пойми куда за каким-то зайцем, волшебный тот или нет? Не королевское это дело. Приключение, так манившее его в первые минуты, замутилось сомнением. Может, они и правы. Не такая уж это удачная мысль.

Порыв, толкнувший его на поляну, переставал действовать, как наркотик. Кого он пытается обмануть? Королевская корона – не начало, а конец сказки. Ему не нужен волшебный заяц, чтобы заглянуть в будущее, он и так знает все наперед. И жили они долго и счастливо. Закрой книгу и уходи.

Квентин шагнул назад и вернул клинок в ножны. Учитель фехтования отрабатывал с ним это движение две недели, прежде чем позволил сделать хоть один взмах. Сейчас Квентин поздравлял себя с этим: он выглядел бы немислимым лохом, на шаривая ножны мечом.

Кто-то положил руку ему на плечо: Джулия.

– Ты сделал правильный выбор, Квентин. Это не твое приключение.

Будь он котом, потерялся бы о ее руку.

– Да, знаю. Дошло уже.

– Правда не пойдешь? – чуть ли не с разочарованием спросила Дженет. Может, ей хотелось посмотреть, как и он, по примеру Элис, превратится в светящийся сгусток.

– Не пойду, нет.

Вот и все. Пусть кто другой изображает героя. Он заслужил свой счастливый конец и на рожон не полезет. Непонятно даже, чего его туда так тянуло – умирать за это уж точно не стоит.

– Время ланча, – заметил Элиот. – Найдем менее волнительную полянку и поедим.

– Целиком за, – сказал Квентин.

В одной из корзин у них магически охлаждалось шампанское или что-то вроде него – они еще работали над филлорийским эквивалентом. Эти корзины для пикника со специальными кожаными петлями для бутылок и стаканов он раньше видел только в каталогах и позволить себе не мог, а теперь – вот, пожалуйста. Не шампанское, но с пузырьками и опьяняет, вот он и напьется сейчас.

Элиот посадил Джулию с собой на коня – виверра, похоже, смылась с концами. К амазонке сзади прилипла земля. Квентин тоже вдел ногу в стремя, но тут кто-то крикнул им «хей» – обычная форма приветствия в Филлори.

Обернувшись, они увидели жизнерадостного мужчину немногим старше тридцати лет, широкогрудого и белокурого. Помимо буйной гривы, он отпустил себе бороду, делав-

шую его лицо чуть менее круглым. Он шел к ним прямо через поляну и при виде их припустил трусцой, не обратив ни малейшего внимания на машущие над самой его головой ветви дуба.

Не кто иной, как егермейстер Джоллиби в пурпурно-желтых лосинах. Его ножные мышцы действительно впечатляли, учитывая, что он ни разу в глаза не видел жима для ног или ступенчатого тренажера. Элиоту не показалось: он, должно быть, шел за ними все это время.

– Хей, – весело отозвалась Дженет, добавив вполголоса: – Вот и гость к ланчу.

В обтянутом кожаной перчаткой кулаке Джоллиби дрыгался крупный заяц.

– Надо же. Поймал-таки, сукин сын, – произнесла Безупречная. Она умела говорить, но высказывалась не часто.

– Точно, – сказал Квентин. – Поймал.

– Повезло, – крикнул, подойдя ближе, Джоллиби. – Гляжу, сидит на камушке в сотне ярдов отсюда. Так на вас засмотрелся, что я его голыми руками словил – верите, нет?

Квентин верил, но находил это странным. Как можно подкрасться к животному, способному видеть будущее? Разве что он только чужое провидит, а не свое. Заяц дико вращал глазами.

– Бедняжка, – сказал Элиот. – Смотрите, как он напуган.

– Джолли, – с напускным гневом вскричала Дженет, – что ж ты его нам не оставил? Теперь он предскажет судьбу тебе

одному.

Джоллиби, отменный охотник, но не светоч ума, раздраженно сдвинул густые брови.

– Пустим его по кругу, – предложил Квентин. – Глядишь, и обслужит всех.

– Это тебе не косяк, – возразила Дженет, а Джулия добавила:

– Верно. Даже и не проси.

– Можешь ты это сделать, глупая тварь? – Джоллиби, наслаждаясь своим звездным часом, поднял зайца повыше, к самому лицу.

Тот больше не дрыгал ногами и висел смирно, глядя на охотника в полной панике. Заяц-Провидец, внушительный экземпляр трех футов в длину, в серо-бурой шкурке цвета сухой травы, не вызывал умиления. Не ручной зайчик и не атрибут фокусника: лесной житель, дичь.

– Ну, говори. – Джоллиби потрянул его так, будто он, заяц, все это и затеял. – Что ты видишь?

Заяц, сфокусировав взгляд на Квентине, обнажил желтые резцы и прохрипел:

– Смерть.

Какой-то миг все молчали. Это прозвучало не столько страшно, сколько неуместно, как сальная шутка на детском дне рождения.

Потом на губах Джоллиби проступила кровь. Он кашлянул разок, словно на пробу, и уронил голову на грудь. Заяц

выпал из его онемевших пальцев и понесся по траве, как ракета.

Мертвый Джоллиби ничком рухнул наземь.

– Смерть, прах, крушение и отчаяние! – прокричал на бегу заяц, чтобы уж все впитали наверняка.

Глава 2

В Белом Шпиле имелась специальная комната для королевских заседаний. Вот что значит быть королем: все твои нужды предусматриваются заранее.

Комната помещалась на вершине четырехугольной башни, и ее четыре окна смотрели на все стороны света. Медленное вращение башни объяснялось тем, что Белый Шпиль был построен на колоссальном часовом механизме, созданном гномами, истинными гениями в подобных вещах. За сутки башня совершала один оборот, и ее движение было почти незаметным.

Четыре стула, расставленные вокруг стола, напоминали троны, но сидеть на них, к непреходящему удивлению Квентина, было довольно удобно. На столе, под несколькими слоями лака, была нарисована карта Филлори. На каждой его стороне изображались имена правителей, занимавших это место ранее, и присущие им атрибуты. Квентин, к примеру, видел перед собой Белого Оленя, Мартина Четуина и колоду игральных карт. Элиоту как верховному королю полагалась особо богатая роспись, поэтому ни у кого не возникало вопросов, которая из сторон этого квадратного стола главная.

Сегодня тронный стул не казался Квентину таким уж удобным. Картина смерти Джоллиби не покидала его до сих пор – если быть точным, она проигрывалась у него в моз-

гу каждые тридцать секунд. Раз за разом он подхватывал падающего егермейстера и начинал судорожно ощупывать его широкую грудь, точно ища потайной карман с внезапно ушедшей жизнью. Половину этого времени Дженет вопила, как в заправском ужастике, а Элиот хватал ее за плечи и заставлял отвернуться от трупа.

Поляну при этом заливал призрачный зеленоватый свет – Джулия пустила в ход непонятные Квентину чары для раскрытия возможных виновников происшедшего. Ее глаза, включая радужку и белок, стали полностью черными; она одна подумала об ответном ударе, но направлять его было некуда.

– Ну что ж, давайте обсудим, – сказал Элиот. – Ваши соображения относительно того, что случилось в лесу?

Все только переглядывались, не на шутку прихлопнутые недавним переживанием. Квентин был бы рад предпринять что-то или хотя бы сказать, но не знал что. Он не так уж и хорошо знал погибшего.

– Джоллиби так гордился собой, – наконец пробормотал он. – Думал, что удача ему улыбнулась.

– Все из-за этого кролика, – сказала Дженет с красными от плача глазами. – То есть зайца. Это он убил Джоллиби – кто же еще?

– Мы не можем этого утверждать. Заяц предсказал его смерть, но это еще не значит, что он ее вызвал. *Post hoc, ergo*

*propter hoc*³ – распространенная логическая ошибка. – Если б Квентин подождал с ответом еще секунду, то сообразил бы, что латинские изречения сейчас интересуют Дженет меньше всего. – Извини... проклятый Аспергер⁴.

– Выходит, это простое совпадение? – вспыхнула она. – Что он умер сразу после того, как ему предсказали смерть? Может, мы ошибались насчет этого зайца и он все-таки способен управлять будущим.

– Или просто не любит, когда его ловят, – вставила Джулия.

– Мне трудноато поверить, что история вселенной пишется говорящим кроликом, – подытожил Элиот, – хотя это многое объяснило бы.

Было пять часов, обычное время их посиделок. Первые несколько месяцев Элиот предоставлял им самостоятельность, полагаясь на то, что каждый найдет своим способностям наилучшее применение. Это привело к полному хаосу, когда кому-то приходилось переделывать все за кого-то другого, и Элиот учредил ежедневные совещания, где они разбирали самые неотложные государственные дела вчетвером. На этих пятичасовых заседаниях виски выпивалось предположительно больше, чем в любом из бесчисленных параллельных миров вселенной.

---

³ После этого – значит вследствие этого (*лат.*).

⁴ Синдром Аспергера – разновидность аутизма, для которой характерны высокий интеллект и слабые социальные навыки.

– Я обещал его родителям заняться похоронами, – сообщил Квентин. – Он был единственным сыном, больше у них детей нет.

– Он научил меня играть на рожке, – отдал дань покойному Элиот.

– В дни солнцестояния и равноденствия он мог обращаться львом – вы не знали? – с вымученной улыбкой спросила Дженет. – Говорил, что это помогает ему понимать зверей. У него все тело в шерсти.

– Я отнюдь не стремлюсь знать, откуда это тебе известно, – сказал Элиот.

– Это было полезно во многих отношениях.

– Может, к его смерти причастны Фенвики? – поспешил свернуть Квентин. – Они затаили на нас злобу с самого нашего появления здесь.

Фенвики стояли во главе нескольких знатных семей, правивших страной к моменту возвращения брекбиллсцев. Им не понравилось, когда их попросили из Белого Шпиля, но политический вес у них был невелик, и они ограничивались мелкими придворными кознями.

– Убийство было бы для них большим шагом вперед, – усомнился Элиот. – Фенвики – довольно мелкотравчатое семейство.

– И зачем бы они стали убивать Джоллиби? – поддержала Дженет. – Его все любили.

– Может, они метили не в него, – настаивал Квентин. –

Может, зайца должен был словить кто-то из нас. Они, между прочим, уже пустили слух, что мы его и убили.

– И как же, по-твоему, они это сделали? – спросил Элиот. – Подослали зайца-киллера?

– Зайца-Провидца никто не мог подослать, – уточнила Джулия. – Волшебные звери не вмешиваются в человеческие дела.

– Может, это был вовсе не Заяц-Провидец, а оборотень в заячьей шкуре. Не знаю я! – Квентин потерял виски. Лучше бы они на ящерицу пошли охотиться. Забыл уже, что такое Филлори? Он убеждал себя, что после того, как Элис убила Мартина Четуина, все здесь пойдет по-другому. Что не будет больше смерти и отчаяния, предсказанных зайцем. Выходит, никуда это все не делось. Жизнь, как всегда, шире книг. *Et in Arcadia ego*⁵.

Понимая, что это нелепо, Квентин все-таки не мог отделаться от чувства своей виновности в смерти Джоллиби. Не искал бы приключений, ничего бы и не было... или наоборот. Может быть, ему как раз и надо было пойти на поляну. Возможно, умереть там должен был он, и смерть вместо него поразила Джоллиби.

– Причина не обязательно есть, – сказал он вслух. – Просто очередная тайна, еще один поворот в магическом туре по

---

⁵ В одном из вариантов переводится так: «Даже в Аркадии я (смерть) существую (*лат.*). Крылатая фраза, послужившая мотивом и названием многих живописных и литературных произведений XVII–XIX вв.

Филлори. Случилось, и все тут – объяснений искать не надо.

Элиота это удовлетворить не могло. По сути своей он оставался тем же томным повесой из Брекбиллса, но сан верховного короля придавал ему прямо-таки пугающую суровость.

– Мы не можем допустить нераскрытых смертей в королевстве. Припугну-ка я Фенвиков: им много не надо, они всего лишь мажоры. Говорю это с полным знанием дела как такой же мажор.

– А если не сработает? – спросила Дженет.

– Тогда ты надавишь на лорианцев. – Лория была северным соседом Филлори, а иностранными делами у них ведала Дженет, прозванная за это Квентином Филлори Клинтон. – В книжках за каждой пакостью непременно стоят они. Может, государство наше обезглавить хотели, викинги гребаные. Давайте уже, бога ради, поговорим о чем-то другом.

Но говорить было больше не о чем, и в комнате воцарилось молчание. План Элиота никому особо не нравился, Элиоту в первую очередь, но ничего лучше или хотя бы хуже пока не придумывалось. Глаза Джулии и теперь, шесть часов спустя, оставались полностью черными – тот еще вид. Может, без зрачков она видит то, чего не видят они?

Элиот порылся в бумагах, но в текущих делах наблюдался застой.

– Время выхода, – напомнила Джулия.

После каждого совещания они выходили на балкон и по-

казывались народу.

– Вот черт... ладно, пошли.

– Может быть, не стоит сегодня, – сказала Дженет. – Это как-то неправильно.

Квентин хорошо ее понимал. Стоять с застывшей улыбкой и махать филлорийцам ему сейчас хотелось меньше всего, однако...

– Нет. Как раз сегодня это необходимо сделать.

– Нас будут приветствовать ни за что.

– Народ должен чувствовать нашу стойкость перед лицом трагедии.

Они вышли на узкий балкон. Во дворе замка собрались несколько сотен подданных.

– Жаль, что мы ничего больше не можем сделать для них, – сказал Квентин, помахав с головокружительной высоты крошечным человечкам.

– Мы короли и королевы волшебной утопии, чего тебе больше, – отозвался Элиот.

Снизу неразборчиво, как с музыкальной открытки, донеслось «ура».

– Не знаю... Реформы какие-нибудь начать, хоть чем-то помочь этим людям. На их месте я бы свергнул себя как ничемного паразита.

Занимая свои троны, они не знали толком, чего ожидать. Квентин предполагал, что королевская должность включа-

ет в себя какие-то церемонии, ведущую роль в политике и ответственность за благосостояние нации. На деле работы у них оказалось не так уж много.

Квентин был, как ни странно, разочарован. Он думал, что Филлори будет чем-то вроде средневековой Англии (поскольку именно так и выглядело), и собирался в управлении им опираться на европейскую историю, насколько он ее помнил. Собирался запустить стандартную гуманитарную программу в максимально упрощенном виде и остаться в истории вершителем добрых дел.

Филлори, однако, не была Англией. Начать с недостаточной плотности ее населения: во всей стране проживали от силы десять тысяч человек плюс столько же говорящих животных, гномов, духов, великанов и прочих разумных видов. Квентин и другие монархи – вернее, тетрархи – исполняли скорее роли мэров заштатного городка. Кроме того, Филлори, при всей реальности магии на Земле, была волшебным миром в полном смысле этого слова: магия являлась частью здешней экосистемы. Об этом говорило все: климат, океаны и невиданно плодородная почва. Здесь следовало очень постараться, чтобы добиться неурожая.

Изобилие чувствовалось во всем. Гномы, способные изготовить все что угодно, угнетенным пролетариатом никак не могли считаться: работать им нравилось. Недовольство и нечто вроде противодействия мог вызвать разве что кровавый тиран вроде Мартина Четуина. Единственным дефици-

том в филлорийской экономике был дефицит дефицита.

Все, за что брекбиллсцы (хотя Джулия, что она не уставала подчеркивать, в Брекбиллсе не училась) старались взяться со всей серьезностью, преображалось в сплошные ритуалы и церемонии. Деньги, и те были игрушечные, как в «Монополии». Из всех четверых только Квентин еще пытался имитировать полезную деятельность. Возможно, именно это мучило его на краю той поляны: тоска по чему-то реальному.

– Что там еще на повестке? – спросил он, возвращаясь с балкона в комнату.

– Ситуация с островом Дальний, – ответил Элиот.

– С чем, с чем?

– С островом Дальний. – Элиот взял со стола один свиток. – Я его король, но плохо представляю, где он находится.

– Ну ты даешь, – фыркнула Дженет. – Это на востоке, примерно в двух сутках пути. Восточная оконечность Филлорийской империи, если не ошибаюсь.

– Я его тут не вижу, – сказал Элиот, изучая карту.

Квентин тоже посмотрел. В свой первый визит сюда он совершил плавание по Западному морю, но восток знал плохо.

– На столе он не поместился. Должен быть примерно вон там, – Дженет показала в сторону колен Джулии.

Квентин представил себе островок среди синего океана: белый песок, увенчанный декоративной пальмой.

– Ты там была? – спросил Элиот.

– Там никто не бывает. Миллион лет назад у острова разбился чей-то корабль, колонисты занимаются рыбной ловлей. В чем проблема-то?

– Похоже, они уже пару лет не платят налоги.

– Ну и что? Может, у них денег нет.

– Отбей им телеграмму, – предложил Квентин. – «Дорогие дальнеостровитяне тчк пришлите денег тчк если у вас их нет присылать не надо тчк».

Элиот с Дженет восторжеслись и стали сочинять свои варианты, один другого смешнее.

– Ладно, – сказал в конце концов Элиот, за плечами которого в данный момент пылал филлорийский закат с кучами розовых облаков. – Я, значит, поговорю насчет Джоллиби с Фенвиками, а Дженет с лорианцами. С Дальним тоже разберемся. Кому скотча?

– Я это сделаю, – сказал Квентин.

– Виски на буфете.

– Я не про виски. Разбираться на Дальний поеду я.

– Зачем тебе ехать в эту тьмутаракань? – раздраженно осведомился Элиот. – Это дело казначейства, пошлем туда эмиссара – они для того и нужны.

– Пошли лучше меня.

Квентин сам не знал, с чего ему это вздумалось. В голове у него снова крутился клип с поляной, сломанным часовым деревом и умирающим Джоллиби. Какой смысл во всем этом, если человек вдруг берет и падает мертвый? Вот что

ему хотелось бы знать. Какой смысл?

– Королю там вообще-то нечего делать, – сказала Дженет. – Ну, не заплатили они налоги, не внесли в казну восемь рыбин – нас это не разорит.

– Я быстро. – Квентину вдруг стало легче, и он понял, что решил правильно. – Может, что интересное привезу.

Чем не приключение – собрать подати с жителей дальней колонии. К сломанному дубу он не пошел, зато поплывет на остров.

Элиот потрогал свой королевский подбородок.

– Это могут не так понять в связи с делом Джоллиби. Ты бросаешь нас в самый неподходящий момент.

– Я король – можно не бояться, что меня не выберут во второй раз.

– Постой, – сказала Дженет. – Это, случайно, не ты убил Джоллиби? И почему тогда, если нет?

– Дженет, – упрекнул Элиот.

– Нет, в самом деле. Все сходится...

– Я Джоллиби не убивал.

– Хорошо. – Элиот поставил галочку в своем списке. – Превосходно. Оформим тебе командировку на остров Дальний.

– Надеюсь, ты не один едешь, – забеспокоилась Дженет. – Бог знает, что там за люди живут – не вышло бы как с капитаном Куком.

– Джулия поедет со мной, – сказал Квентин. – Правда

ведь, Джулия?

Элиот и Дженет уставились на него – давненько ему не случалось никого удивлять. Джулия отозвалась на его улыбку не поддающимся разгадке взглядом сплошь черных глаз и кратко ответила:

– Разумеется.

Ночью Элиот пришел в спальню Квентина.

При вселении эта комната являла собой жуткое зрелище. Четыре трона буквально веками не заполнялись одновременно, и в лишних королевских покоях складировался всяческий хлам. Негодные канделябры; люстры, похожие на дохлых медуз; сломанные музыкальные инструменты; не подлежащие возврату дипломатические дары; ажурные стулья и столики, ломающиеся от одного взгляда и даже без оно-го; животные, превращенные в чучела в самый миг мольбы о пощаде; урны, лохани и прочие загадочные сосуды то ли для питья, то ли для иных нужд – вот что предстало взору нового короля.

Квентин велел очистить комнату, оставив только кровать, стол, два стула, пару ковров попримечнее и пару гобеленов в целях политпросвещения. На одном из них грифон поднимал в воздух роту пехотинцев. Сей триумфальный, по всей видимости, взлет немного портила повернутая к зрителю голова перевозчика. Ну да, это я могу, говорил взгляд грифона, но меня можно было и получше использовать.

Освобожденная от старья комната увеличилась втрое, задышала, и мыслям в ней стало просторно. Размером она оказалась с баскетбольную площадку. Пол был каменный, в высоких стропилах таились загадочные тени, витражные окна открывались очень выборочно, шаги вызывали эхо. На Земле такие помещения можно наблюдать по ту сторону бархатного шнура, и лишь в закрытых музеях или ночных соборах бывает такая же тишина.

Слуги высшего ранга шепотом сетовали, что королю Филлори неприлична столь скудная обстановка, но стоит ли быть королем, если не сам решаешь, что прилично королю, а что нет. А если кому нужна роскошь, так на то есть верховный король, чья опочивальня блистает золотом, жемчугом и бриллиантами.

– Помнишь, в книжках о Филлори в гобелены можно было входить? – Перевалило за полночь; Элиот, стоя у гобелена, смотрел грифону в глаза и потягивал из стаканчика янтарную жидкость.

– Помню и даже пробовал. – Квентин в шелковой пижаме лежал на кровати. – Если они вправду это делали, я понятия не имею как. Гобелены самые обыкновенные. В «Гарри Поттере» хотя бы фигуры двигались, а здесь и того нет.

Элиот и ему принес виски. Квентин пока не пил, но не исключал такую возможность. Элиоту, который обязательно посягнет на его порцию, когда выпьет свою, он точно не собирался ее отдавать, а стаканчик пристроил в свитое из оде-

яла гнездо.

– В этот меня что-то не тянет войти, – заметил Элиот.

– Да. Иногда мне кажется, что этот красавец сам пытается вылезти.

– А вот к этому парню, – речь шла об изображенном во весь рост рыцаре в доспехах, – я не прочь бы наведаться, если ты меня понимаешь.

– Я тебя понимаю.

– И вытащить меч у него из ножен.

– Вот-вот.

Элиот явно к чему-то вел, но подгонять его было бесполезно. Если он и дальше будет тянуть, Квентин просто уснет.

– Можешь вообразить меня там, внутри? Не знаю, как бы мне это понравилось.

Квентин ждал. Приняв решение о поездке на остров Дальний, он успокоился впервые за очень долгое время. Все открывающиеся створки окон были открыты; теплый воздух нес в комнату запахи позднего лета и близкого моря.

– Насчет твоей поездки, – сказал наконец Элиот.

– Да?

– Не понимаю, зачем тебе это надо.

– А должен?

– Ладно, дело хозяйское. Приключение, уплыть в страну заката, типа того. По делу Джоллиби твое присутствие в общем не требуется. Даже и неплохо, что туда едет кто-то из нас – может, они еще не знают, что в стране снова правят

короли с королевами. Ты там оцени ситуацию с точки зрения госбезопасности.

– Сделаем.

– Я, собственно, хотел поговорить по поводу Джулии.

– Ну-ну. – Пить виски лежа было неудобно – все нутро полыхнуло огнем. – Знаешь, ты хоть и верховный король, но все-таки не мой папа. Я как-нибудь сам разберусь.

– Не выставляй иголки. Мне просто хочется убедиться, что ты знаешь, что делаешь.

– А если не знаю?

– Я ведь рассказывал тебе, как мы с ней познакомились? – Элиот сел на один из двух стульев.

– Само собой. – Или нет? Квентину это помнилось смутно. – Деталей только не помню.

Если по правде, они избегали говорить о том времени – приятных воспоминаний период после катастрофы в Гробнице Эмбера не оставил ни у кого. Полумертвого Квентина оставили на попечении малосимпатичных, но сведущих в медицине кентавров, а Элиот, Дженет и все остальные вернулись в реальный мир. Квентин, выздоравливавший в Филлори целый год, на Земле перестал заниматься магией и следующие полгода работал в манхэттенском офисе, пока Элиот, Дженет и Джулия не явились за ним. Без них он, по всей вероятности, так и сидел бы там. Квентин был бесконечно им благодарен.

Элиот смотрел на черное безлунное небо в окне. Жесткий

от вышивки халат делал его похожим на восточного султана.

– Мы с Дженет, покидая Филлори, были в неважном состоянии, знаешь?

– Но вас-то Мартин Четуйн не жевал.

– Не будем считаться, хотя ты прав. Те события нас всех потрясли. Мы ведь все любили Элис по-своему, даже Дженет. И думали, что потеряли не только ее, но и тебя тоже. С Филлори мы завязали бесповоротно, ты уж поверь. Джош уехал в Нью-Гэмпшир к родителям, Ричард и Анаис тоже куда-то отчалили – эти двое убивались не сильно. Нью-Йорк, как и свою так называемую семью в Орегоне, я больше видеть не мог, поэтому отправился в Лос-Анджелес к Дженет.

Решение оказалось правильным. Ты знаешь, что родители у нее адвокаты в шоу-бизнесе? Богатые как не знаю кто, огромный домина в Брентвуде, все время работают, признаков личной жизни не наблюдается. Наши посттравматические рожи их быстро достали – мы, бывало, спать тащимся, а они как раз выходят на утреннюю партию в сквош. И отправили они нас на курорт в Вайоминг.

Ты о нем точно не слышал: суперэкслюзивное место, но поскольку денег у них куры не клюют, я не спорил. А Дженет там практически выросла, весь персонал ее с детства знает. Можешь представить нашу Дженет малышкой? Жили мы в отдельном бунгало, и прислуживал нам целый полк – у нее, по-моему, на каждый ноготь была отдельная маникюрша.

Есть у них одна процедура, грязь и горячие камни: без

магии точно не обошлось. Но секрет подобных мест в том, что скука там смертная. Ты не поверишь, до чего мы дошли. Я в теннис начал играть – это я-то! К выпивке на корте они относились крайне неодобрительно, а как мне иначе было форму поддерживать? В моем возрасте учиться уже поздно-вато.

Короче, на третий день мы задумались, не заняться ли для разнообразия сексом – но тут, как темный ангел милосердия, явилась Джулия и спасла мою честь.

Все начиналось, как очередное дело Пуаро в сельской глуши. Произошел инцидент у бассейна: я так и не понял, что там стряслось, но суета поднялась страшная – еще бы, за такие-то бабки. Нашу Джулию, когда я впервые ее увидел, несли через вестибюль, пристегнутую к спинодержателю, а она ругалась на чем свет стоит и твердила, что с ней все в порядке. Уберите от меня свои лапы, гориллы поганые!

На другой день спускаюсь я в бар часа в три-четыре, а она сидит там одна, вся в черном, и пьет, кажется, гимлет с водкой. Загадочная такая леди. Ясно до боли, что в здешнюю атмосферу она не вписывается. На башке воронье гнездо, еще хуже, чем теперь, ногти обгрызены до мяса, горбится, заикается. Остро это сознавая, дает колоссальные чаевые и выговаривает названия вин с французским прононсом.

Я, конечно, тут же запал. Не иначе, думаю, русская, дочка отбывающего срок олигарха. Кто еще, кроме новой русской, может себе позволить жить здесь, нося вот это на го-

лове. Дженет, в свою очередь, подумала, что она выписалась из реабилитации раньше времени, и оба мы накинулись на нее, как голодающие.

Главное было – не включить тревогу, которая у нее и так уже стояла на взводе. Дженет, как опытная соблазнительница, громко пожаловалась в общей гостиной на какие-то компьютерные сложности, и Джулия сделала заметное усилие, чтобы не вступить в разговор.

Дальше – больше. В санатории на человека натыкаешься повсюду, хочешь не хочешь. Тебе трудно представить ее в таком месте, я знаю, однако вот она: сидит как миленькая по шею в грязи с огуречными ломтиками на веках. Дженет как-то сунулась к ней в парилку, но она нагнала столько пару, что все прочие разбежались. Она вроде бы и на розги записывалась, точно хотела за что-то себя наказать.

Вскоре выяснилось, что она картежница, и мы начали играть в бридж втроем. Молча. Мы, конечно, не знали, что она маг – откуда бы? – но видно было, что ее так и распирает от страшной тайны. И все, что нам так симпатично в магах, было при ней: острый до омерзения ум, грустинка, легкая ненормальность. Знаешь что я думаю? Она напоминала нам о тебе.

Если Пуаро едет на какой-нибудь остров отдохнуть и отведать цивилизованной кухни, там непременно кого-нибудь убивают. Вот и с нами так вышло с поправкой на то, что отдыхали мы от магии, а не от сыска. Как-то часов в де-

сять-одиннадцать вечера я шел мимо ее бунгало. Мы с Джанет поцапались, и мне хотелось излить кому-нибудь душу.

Глянул Джулии в окошко и вижу, что она разжигает камин – это летом-то! Тщательно складывает поленья, соскребая с каждого немного коры серебряным ножиком.

Потом... не знаю даже, как рассказать, чтобы ты тоже понял. Она встала на колени перед огнем и стала бросать туда разные вещи, и ценные, и просто дорогие как память: красивую раковину, старую книгу, горсть золотой пыли, костюмную бижутерию, фотографию. Бросит очередной предмет и чего-то ждет. Ну, горит все это, плавится, воняет порой, но ничего больше не происходит, и видно, что ее это очень устраивает.

Нехорошо, конечно, так подглядывать за человеком, но я просто глаз не мог оторвать. Потом вещи у нее кончились, и она, рыдая, сама наполовину залезла в огонь – одни ноги наружу торчат, смотреть страшно. Одежда, конечно, занялась сразу, лицо почернело от сажи, но больше с ней никакого вреда не случилось. Ох и плакала же она, плечи так ходуном и ходили.

Элиот встал, подошел к окну, повозился с ним и открыл настежь – Квентину это не удавалось ни разу. Стакан он поставил на подоконник.

– Не знаю, влюбляешься ты в нее или только так полагаешься, но послушать тебе будет полезно.

Так мы узнали, что она наша. Чары применялись очень

сильные — я слышал их даже сквозь гул огня, и со светом в комнате черт-те что творилось, — но проанализировать их я не смог и сразу понял, что в Брекбиллсе она не училась. Я даже не догадывался, как это все работает и что она пытается сделать. Так и не спросил никогда, а она не сказала.

Если бы от меня все же потребовали ответа, я сказал бы, что она хочет вернуть что-то утраченное или отнятое, по-настоящему для нее дорогое. И что у нее ничего не выходит.

Глава 3

Утром Квентин поехал в гавань в черной карете с бархатными сиденьями и занавесками. Внутри было душновато, как в передвижной гостиной. Королева Джулия покачивалась на рессорах с ним рядом, а напротив, почти соприкасаясь с ними коленями, сидел адмирал филлорийского флота.

Если уж ехать в тьмутаракань, то по всем правилам, решил Квентин. Они предусмотрены специально для таких случаев, и одно из них гласит, что для дальних путешествий требуется надежное судно.

Теоретически корона могла распоряжаться всеми кораблями в стране, но под рукой почти всегда имелись только военные, оставлявшие желать многого в смысле комфорта. Гамаки, жесткие койки, полное отсутствие кают-люкс – разве пристало королю совершать плавание в подобных условиях? Они направлялись в гавань как раз затем, чтобы найти себе подходящий корабль.

Квентин чувствовал себя хорошо. Энергия и решимость переполняли его – он уже и забыл, как это бывает. Какой он все-таки маленький, адмирал Лакер, а лицо его, похоже, лет пятьдесят вытачивалось из сланца ветром и солеными брызгами.

Король в общем-то точно знал, чего ищет, только стеснял-

ся сказать. Он мечтал об одном из кораблей Пловера, предпочтительно «Быстром» из четвертой книги «Тайное море». Джейн и Руперт, преследуемые Часовщицей (Квентин мог бы объяснить это Лакеру, но не стал), уплывают на нем и обнаруживают, что корабль захвачен пиратами. Впрочем, пиратами они только притворяются: это филлорийские аристократы, несправедливо обвиненные и стремящиеся очистить свою репутацию. Моряка вряд ли удовлетворило бы описание этого корабля, но обычному читателю достаточно знать, что это славное суденышко может дать отпор хоть кому, обводы у него плавные, и за иллюминаторами гостеприимно светятся уютные маленькие каюты.

В книге про Филлори нужный корабль уже стоял бы у причала, ожидая приказаний короля Квентина, но это не книга про Филлори – это Филлори. Обо всем приходится заботиться самому.

– Корабль должен быть не слишком большой и не слишком маленький, – сказал Квентин. – Средней величины, надежный и быстроходный.

– Понимаю. Пушки нужны?

– Да нет... ну, может, несколько штук.

– Несколько штук, значит.

– Слушайте, адмирал, не выделяйтесь. Я сам укажу вам подходящий корабль, а нет, так вы мне его укажете. Ясно?

Адмирал Лакер чуть заметно наклонил голову в знак того, что постарается не выделяться.

Белый Шпиль стоял на берегу широкого морского залива с зеленой, до странности бледной водой. Почти идеальную дугу побережья могло выкроить лишь некое доброе божество (надо же смертным где-то ставить свои корабли) – и, насколько Квентин знал, так и было. Он велел кучеру остановиться в начале береговой линии. Все трое вышли, щурясь на солнце после полумрака кареты.

Запах соли, дерева и смолы пьянил не хуже чистого кислорода.

– Ну-с, приступим. – Они медленно двинулись через гавань, переступая через расчалки и рыбы скелеты, мимо лерных стоек, брашпиль и составленных штабелями ящиков. В порту стояло множество кораблей – и филлорийских, и зарубежных. Квентин выделил девятимачтовый дредноут черного дерева с застывшей в прыжке пантерой на носу и лохань с залатанным парусом кирпичного цвета. Гавань со всеми этими шлюпами, яхтами, галеонами, шхунами, грозными корветами и юркими каравеллами напоминала ванну, заполненную дорогими игрушечными корабликами. – Что скажете, адмирал? – спросил Квентин, пройдя ее до конца.

– Думаю, что вам подошли бы «Топорик», «Мушка» или «Холмы Моргана».

– Пожалуй. Твое мнение, Джулия?

Она почти все время молчала и двигалась, как во сне. Квентину вспомнился рассказ Элиота – нашла ли Джулия то, что искала тогда? Возможно, она надеется найти это на ост-

рове Дальнем.

– По мне, они все хороши.

В общем, да... хороши и даже красивы, вот только «Быстрого» среди них нет. Квентин, скрестив руки, еще раз оглядел гавань.

– А как насчет тех, на рейде?

Глаза Джулии, так и оставшиеся сплошь черными, без опаски смотрели на солнце и сверкающее море.

– Ими ваше высочество, естественно, тоже вправе распоряжаться, – поджал губы адмирал.

Джулия, дойдя до ближайшего причала, перескочила на палубу какой-то рыбацкой лодки.

– Прыгайте, – сказала она, отвязывая конец, и добавила, когда Квентин присоединился к ней: – Ты слишком долго ходишь вокруг да около. Хочешь что-то сделать, так делай.

Баркас, нагретый солнцем, безбожно вонял. Из-под палубы, как видно спросонья, вылез его хозяин – загорелый, обветренный, с седой бородой. Под его комбинезоном явно ничего больше не было. Лакер обратился к нему на незнакомом Квентину языке, и рыбак как будто ничуть не удивился тому, что два монарха и адмирал реквизируют его судно.

Лакер в своем мундире ни капельки не вспотел – Квентину это казалось нечестным. На рейде стояли корабли с глубокой осадкой: громадный линкор, чья-то роскошная яхта, широченный купец.

– А это что? – показал Квентин.

– Виноват, ваше высочество... зрение у меня уже не то после долгих лет службы. Вы изволите говорить о...

– Да. Именно о нем. – Многоточия Квентину надоели. Он имел в виду посудину, лежащую кверху дном у песчаной отмели, как выброшенный на берег кит.

– Этот корабль очень долго не выходил в море, ваше высочество.

– И тем не менее.

Квентином руководила не только месть адмиралу, который все-таки немного выделялся. Лакер и рыбак обменялись долгим взглядом, говорившим: вот еще навязался на нашу голову.

– Не вернуться ли нам к «Холмам Моргана»?

– Непременно вернемся, – сказала Джулия, – но сначала король Квентин осмотрит этот корабль.

Рыбак, полоща парусами, кое-как подошел к опрокинутому судну; надо будет его за это вознаградить. Белая краска на корпусе облупилась, обнажив серую древесину, длинный бушприт сломался, но обводы говорили о хищной стремительности. Не массивный боевой слон и не изнеженная красавица яхта: изящный и в то же время деловой вид. Жаль, что корабль не на ходу. Если бы Квентин попал сюда лет на пятьдесят раньше...

– Ваши соображения, адмирал?

Киль баркаса задел песчаное дно. Адмирал, глядя на линию горизонта, откашлялся.

– Я бы сказал, что это судно знавало лучшие дни.

– Чем корабль занимался в прошлом?

– Рабочей лошадкой был, – хрипло сообщил хозяин баркаса. – Класа «олень». Ходил в Лонгфолл и обратно.

Квентин не сразу понял, что он говорит по-английски.

– Красивый... верней, был красивым.

– Одно из красивейших судов, когда-либо спущенных на воду, – торжественно подтвердил адмирал. Шутка? Вряд ли, Лакер никогда еще не шутил.

– В самом деле?

– «Олени» – особенные суда. В Лонгфолл они возили хладопрядности, сюда – горный шпат. По быстроте и надежности им не было равных: «олень» свозил бы вас в ад и доставил обратно.

– Куда же они все подевались?

– В Лонгфолле кончился горный шпат, а мы перестали им возить хладопрядности, – объяснил разговаривавшийся рыболов. – В «оленьях» больше не было надобности, вот их и разломали на часовое дерево. Их лорианцы строили. Филлорийские мастера пытались им подражать, но был в этих кораблях какой-то секрет, который теперь утрачен.

– Мой первый корабль никто во всем военном флоте не мог догнать, – сказал Лакер, – а «олень» однажды обошел как стоячего.

Квентин встал. Стайка птиц снялась с разбитого корабля и тут же села обратно. С другого борта стала видна пролом-

ленная палуба и надпись на корме: «Мунтжак»⁶.

Жаль, что это не сказка о Филлори: в ней Квентин путешествовал бы именно на таком корабле.

– Ну что ж. Вернемся к «Холмам Моргана»...

– Есть, ваше высочество.

– ...и скажем капитану, чтобы привел свое корыто сюда и отбуксировал «Мунтжака» в сухой док. Это как раз то, что нам надо.

Кое-что иногда можно исправить даже долгое время спустя.

Ремонт «Мунтжака» (оказалось, это олень такой) обещал занять пару недель, хотя Квентин, пользуясь королевскими привилегиями, согнал к нему лучших городских корабельщиков. Это время он решил использовать с толком.

Накопившейся у него нервной энергии хватило бы на снабжение целого города, так что расходовать ее было одно удовольствие. На всех площадях вывесили афиши с извещением о турнире.

О турнирах, честно говоря, он имел самое смутное представление. Короли, по его понятиям, устраивали их в Средние века, где-то между Христом и Шекспиром. На них также ломали копья, но эту конкретную дисциплину Квентин отверг в принципе – нечего лошадей мучить.

Бои на мечах – дело иное. Не просто фехтование, а что-

---

⁶ Мелкий олень, обитающий в Южной и Юго-Восточной Азии.

то вроде смешанного единоборства. Целью Квентина было выявить чемпиона, абсолютно, без дураков, лучшего бойца Филлори. Ровно через неделю всем умеющим держать меч надлежало явиться в Белый Шпиль и сразиться до последнего воина. Победитель получит небольшой, но процветающий замок в филлорийской глубинке и право сопровождать короля в дальних странствиях.

Когда Квентин занимался очисткой банкетного зала, к нему пришел Элиот. Навстречу верховному королю двигалась вереница выносящих стулья лакеев.

– Прошу прощения, ваше высочество – какого черта вы делаете?

– Сожалею, но другие помещения не годятся для поединков – слишком малы.

– В этом месте мне, видимо, полагается спросить «для каких поединков?».

– Ты что, афиш не читал? Стол тоже выносите, – сказал Квентин эконому. – Я устраиваю турнир, чтобы определить, кто у нас в Филлори лучший боец на мечах.

– Такие мероприятия вообще-то проводят на свежем воздухе.

– А вдруг дождь пойдет?

– А питаться мне где прикажешь?

– Я сказал, чтобы обед тебе накрыли в приемной. Прием как раз можно на свежем воздухе провести.

Кто-то, ползая на четвереньках, очерчивал мелом арену

будущих схваток.

– Квентин, я тут поговорил кое с кем из корабельной гильдии. Ты в курсе, во сколько нам встанет этот твой «Джекалоп»?

– «Мунтжак».

– В сумму налогов острова Дальний за двадцать лет. Если тебе интересно, конечно.

– Не слишком.

– Но ирония до тебя, надеюсь, дошла?

Квентин задумался.

– Да, но ведь дело не в деньгах.

– В чем же тогда?

– В поддержании формы. Уж ты-то должен меня понять.

– В общем, да, – вздохнул Элиот.

– Мне это нужно – вот все, что я могу сказать.

– Опять-таки понимаю, – кивнул верховный король.

Через пару дней начали прибывать бойцы – мужчины и женщины, высокие и низенькие, хищники и миролюбивые, клейменные, покрытые шрамами, бритые, татуированные. Среди них имелся ходячий скелет и ходячие же доспехи. Их мечи светились, жужжали, пылали и пели. Пара сямских близнецов выразила рыцарскую готовность сразиться друг с другом в случае победы над всеми прочими. Мыслящий меч, доставленный на шелковой подушке, заявил, что ему для участия необходим носитель из плоти и крови.

В первый день часть поединков пришлось-таки вынести

за пределы зала, для чего во дворах соорудили помосты. Атмосфера напоминала о цирке. Утром как раз впервые похолодало, и участники, дыша паром, самым причудливым образом разминались на влажной траве.

Квентин не обманулся в своих ожиданиях и ни одного поединка не досмотрел до конца, отвлекаясь на соседние ринги. Утреннюю тишину оглашали крики, лязг, боевые кличи и другие, менее узнаваемые шумы. Здесь шла настоящая битва, но без увечий и смертельных исходов.

За трое суток отборочных состязаний были отмечены несколько случаев пользования недозволенным оружием и темными чарами, но сильно, слава богу, не пострадал никто. Квентин, поначалу носившийся с романтическим замыслом самому поучаствовать в турнире инкогнито, вовремя осознал, что с такими соперниками и тридцати секунд не продержится.

Элиот и Дженет согласились присутствовать на финальном матче, Джулия до потных экзерсисов не снизошла. Бароны, придворные и прочая публика заняли места вдоль стен банкетного зала, имевшего прискорбно невоинственный вид – надо было действительно устроить бой под открытым небом. Финалисты вошли в зал бок о бок.

Этих двоих, мужчину и женщину, отличало странное сходство. Оба худощавые, среднего роста и непримечательной внешности. Оба сдержанные, не проявляющие к противнику открытой враждебности. Оба профессионалы, эли-

та наемнической гильдии. К этому бою они подходили чисто по-деловому: агрессия копилась в их поджарых телах до подходящего случая. Женщину звали Араль, мужчину Бингл.

Араль, закутанная с головы до ног, точно ниндзя, пользовалась репутацией технической фетишистки, не пропускающей ни одного удара. Ее меч походил на удлиненную букву S – зачем ей такой? Неудобно ведь, ни в одни ножны не лезет.

Оливковый Бингл из-за постоянно приспущенных век выглядел меланхоликом. Одет он был в офицерский мундир со споротыми нашивками и дрался гибким клинком вроде кнута, с хитрой корзиночной рукоятью нефиллорийского образца. Все свои поединки он, по слухам, выиграл на одной защите. Однажды он финтил с утра до самого вечера, и весь турнир был остановлен в ожидании результата.

В другом матче противник Бингла дождался начального колокола и тут же вышел за меловую черту в знак того, что сдается. Он, как видно, уже сталкивался с Бинглом, и одного раза с него хватило. Квентину не терпелось посмотреть, как кто-то наконец вынудит Бингла драться.

Квентин кивнул распорядителю. Тот подал знак начинать, и Араль принялась чертить в воздухе фигуры своим замысловатым мечом, не приближаясь к противнику. Казалось, что она погружена глубоко в себя и выполняет некий ритуал, далекий от реального боя. Бингл последил за ней, поводил мечом и присоединился к танцу, повторяя ее движения, будто в зеркале – видимо, они были приверженцами одного

и того же стиля. Точно мим, передразнивающий прохожего; публика смеялась, но сами бойцы держались вполне серьезно.

Квентин не заметил момента, когда окончилась преамбула и начался настоящий бой. Свеча задела портьеру, горячая масса достигла критического предела, и сталь зазвенела о сталь.

Уровень мастерства был таким, что Квентин не успевал следить за движениями. Серии изящных выпадов, отыскивающих слабое место в защите, встречали неизменный отпор. Оба воина точно считывали друг друга на молекулярном уровне, регистрируя любое перемещение. В игру входили прыжки и даже сальто; когда мечи сцеплялись, бойцы размыкали их и начинали все заново.

Господи боже... ведь с кем-то из них Квентин собирался плыть на одном корабле. Но захватывает, ничего не скажешь. Эти двое точно знают, что делают, и делают это без колебаний, побеждают они или проигрывают.

Потом все как-то вдруг кончилось. Араль сделала широкий взмах сверху вниз, Бингл откатился, и острое мечта воительницы застряло между плитами пола. Бингл ногой переломил клинок пополам. Араль отступила, не скрывая досады, и жестом признала свое поражение.

Бингл в ответ мотнул головой: его не удовлетворял такой исход боя. Он смотрел на Квентина, ожидая указаний.

Ну что ж, столь рыцарское поведение можно только при-

ветствовать. Квентин вынул из ножен собственный меч и подал его Араль рукоятью вперед. Испытав оружие на баланс, она нехотя выразила согласие и приняла боевую позицию.

Пять минут спустя Бингл, завязив меч в ниндзевских обмотках Араль, подступил совсем близко к ней, а она трижды двинула его кулаком по ребрам. Крякнув, он едва не свалился за меловую линию, но в последний миг совершил балетный прыжок к стене, оттолкнулся, проделал воздушное сальто и легко приземлился на ноги.

Публика, дружно ахнув, разразилась аплодисментами. Чистый цирк! Араль сорвала с головы шарф и потрянула копной золотисто-рыжих волос.

– Спорим, она это отработала перед зеркалом, – шепнул Элиот.

На следующей стадии Бингл отказался от балетного стиля и продемонстрировал целую обойму других. То он кидался на Араль, как берсеркер, то изображал придворного дуэлянта, то орал и топал, точно в кендо. Араль заметно растерялась, пытаясь ему соответствовать – того он, видно, и добивался.

В конце концов она издала-таки крик, нарушив молчание, и сделала прямой выпад. Бингл остановил ее, сделав нечто невероятное: оба клинка сошлись острие к острию, выгнулись дугой... и меч Бингла сломался.

Увернувшись от осколка, просвистевшего рядом с его головой, он швырнул рукоятью в Араль. Эфес ударил ее в ви-

сок, но ущерба не причинил. Она, как видно, прикинула, не проявить ли ей в свою очередь благородство, но обещанный замок перевесил, и решающий удар обрушился на плечо Бингла.

Тот, не уклоняясь, припал на одно колено и свел ладони перед собой. Время остановилось. Еще мгновение, и зал взорвался рукоплесканиями.

Квентин, не поняв, что такое произошло, встал, чтобы лучше видеть. Бингл задержал меч противницы голыми руками, рассчитав это с точностью до последнего эрга, миллиметра и наносекунды. Араль тоже не сразу сообразила, в чем дело, а Бингл, пользуясь преимуществом, дернул меч на себя, перевернул его в воздухе и приставил ей к горлу. Бой завершился.

– Господи, – сказал Элиот. – Нет, ты видел?

Бароны, забыв об аристократических манерах, с воплями обступили победителя. Квентин и Элиот орали вместе со всеми. Бингл, будто не замечая этого и не меняя выражения глаз под тяжелыми веками, прошел через толпу к трону Квентина, преклонил колени и вернул королю его меч.

Рабочие облепили «Мунтжак», словно пираньи невезучего исследователя Амазонки. Сравнение вообще-то не слишком удачное: они-то возвращали кораблю жизнь. «Мунтжак», весь в лесах и швартовах, стоял в сухом доке и подвергался ремонту – его укрепляли, песочили, конопатили, смо-

лили и красили. Молотки тарахтели со всех сторон.

В основе своей он, к счастью, остался цел: корабельщики сомневались, что смогли бы воспроизвести его заново. Глубоко в кормовом трюме обнаружился деревянный часовой механизм, соединенный туго натянутыми канатами со всеми частями судна. Никто не понимал, для чего это нужно, но Квентин велел все оставить как есть.

«Мунтжак» окрашивался в угольно-черный цвет с белой каемкой. Целая армия швцов в помещении вроде самолетного ангара трудилась над новыми парусами. Квентин, жадно впивая запахи опилок и краски, чувствовал, что сам возвращается к жизни. Окончательно он, правда, не умирал, но и вполне живым тоже не был.

Видя, что «Мунтжак» будет готов к спуску всего через пару дней, Квентин наведлся в географический кабинет замка. Остров Дальний во всем этом предприятии интересовал его меньше всего, но найти пункт назначения в море тоже не помешало бы. Кабинет после шумной верфи казался резервуаром тишины и покоя. Одну его стену целиком занимало окно, другую – карта Филлори от Лории на севере до Блуждающей Пустыни на юге. Стремянка на колесиках позволяла досконально изучить нужный ее фрагмент; при близком рассмотрении можно было различить даже отдельные деревья в Лесу Королевы, хотя дриады и тут не показывались.

Карту частично анимировали, вложив в нее толику магии. На Пенный берег накатывал прибой – Квентин не только ви-

дел его, но и слышал, как в приложенной к уху раковине. Движущаяся линия показывала, где теперь день, а где ночь. На потолке комнаты мерцала карта ночного неба с филлорийскими созвездиями.

Вот оно, королевство Квентина, земля, которой он правит. Свежее, зеленое, полное волшебства. Именно таким он представлял себе Филлори в детстве, когда часами рассматривал карты на форзацах сказочных книг.

Оживления в кабинете не наблюдалось. Весь персонал состоял из угрюмого чернявого подростка с челкой до самых глаз. Сгорбившись над столом, он производил какие-то вычисления с помощью стальных инструментов и заметил Квентина только через минуту.

Парень, лет шестнадцати с виду, сказал, что зовут его Бенедикт. Посетители, в особенности короли, редко сюда заходили, и с манерами у юного картографа обстояло неважно. Квентин посмотрел на это сквозь пальцы – ему требовалась информация, а не поклоны.

– Не покажешь ли, где остров Дальний?

Бенедикт, порывшись в мысленной базе данных, подошел к третьей стене, сплошь из выдвижных ящичков, и достал из одного свернутую в рулон карту. Затем, впервые проявив некое подобие живости, покрутил медный вороток на большом столе и развернул свиток.

Карта оказалась куда больше, чем ожидал Квентин, и всю ее заполняло открытое море с филлорийскими эквивалента-

ми меридианов и параллелей. Бенедикт остановил вращение на клочке суши с надписью *о. Дальний*.

– Вот он где, значит, – сказал Квентин.

Бенедикт молчал и в глаза избегал смотреть. Квентину он сильно кого-то напоминал – не себя ли самого в этом возрасте? Боишься всего и всех и прячешь это под маской презрения, которое вообще-то направлено на собственную персону.

– Далековато. Сколько до него ходу?

– А кто его знает, – отвечивал Бенедикт и тут же добавил: – Дня три. Четыреста семьдесят семь миль – морских миль.

– А что, есть разница?

– Морская длиннее.

– На сколько?

– На двести шестьдесят пять ярдов, – автоматически выдал Бенедикт. – С гаком.

Квентина это впечатлило – кто-то, видимо, умудрился вбить в Бенедикта некоторые полезные сведения. Медный механизм для чтения карт включал в себя много рычажков с передвижными лупами. Квентин, воспользовавшись одной из них, увеличил остров. Тот походил на арахис со звездочкой на одном конце. Его четкий контур был обведен другим, расплывчатым, обозначающим то ли прибой, то ли отмели.

Единственная водная артерия черной нитью спускалась из глубины острова к побережью. Около звездочки мел-

ким шрифтом тоже стояло *Дальний* – видимо, это был город. Больше лупа не показывала ничего, кроме укрупненной структуры пергамента.

– Кто там живет?

– Рыбаки вроде бы. И агент короны имеется – видите, звездочка, – сказал Бенедикт и конфиденциально добавил, чуть не ткнувшись в пергамент носом: – Дерьмовая карта. Окраска хреновая. Вам она для чего?

– Я туда еду.

– Правда, что ли? Зачем?

– Хороший, в самом деле, вопрос.

– Ключ ищите?

– Да нет. Что за ключ?

– Сказка такая, – объяснил Бенедикт, как дошкольнику. – Ключ, заводящий мир. Вроде бы там находится.

Квентин не особо интересовался филлорийским фольклором.

– Не хочешь со мной? Нарисовал бы новую карту, раз тебе эта не нравится.

Тоже еще наставник проблемного юношества... но Квентину почему-то захотелось встряхнуть этого парня. Вытащить его из зоны комфорта, чтобы не издевался над другими людьми, вышедшими из своих личных зон. Чтобы задумался для разнообразия о чем-то помимо собственного невроза. На проверку это оказалось труднее, чем выглядело.

– Я не квалифицирован для полевых работ, – пробурчал

Бенедикт, снова потупив взор и косясь украдкой на карту. Юный картограф явно предпочитал жить не в реальных местах, а в их проекциях на пергаменте. – Я хранитель, не изыскатель. А уж сам-то чертеж... господи боже.

Это выражение филлорийская молодежь переняла от новых правителей, полагая его неприличным; растолковать им, что это значит в действительности, было практически невозможно.

– Именем королевства Филлори квалифицирую тебя как топографа, – произнес Квентин. – Так годится?

Надо было меч захватить. Сконфуженный Бенедикт пожал плечами – Квентин десять лет назад сделал бы то же самое. Он прямо-таки проникся нежностью к этому мальчугану, наверняка думающему, что никто не в силах его понять. Квентин по сравнению с ним сильно продвинулся и, возможно, сумеет ему помочь.

– В общем, подумай. Нам нужен кто-нибудь для обновления карт.

Квентина, впрочем, и эта вполне устраивала. Он покрутил вороток, и остров Дальний уплыл в просмотренную часть свитка. За ним потянулись ярды кремового пространства с пунктирами и мелкой цифирью – пустой океан.

Край карты, щелкнув, выскочил из медного ролика.

– Больше земли нет, – не слишком толково заметил Квентин.

– Эта карта – последняя в каталоге. Никто ее ни разу не

спрашивал с тех пор, как я здесь.

– Можно мне ее взять? – Бенедикт засомневался. – Знаешь, я ведь король. Это, строго говоря, моя карта.

– Все равно расписаться надо. – Хранитель уложил свиток в кожаный футляр и вручил королю квитанцию со своей подписью: Бенедикт Фенвик.

Господи боже. Неудивительно, что он дуется.

В активе имелось следующее: старомодный парусник, не вполне адекватный воин и загадочная королева-колдунья. На Братство Кольца это не тянуло, но Квентин ведь не мир от Саурана спасал – он всего лишь хотел получить налоги с захолустных островитян. Ровно через три недели со дня смерти Джоллиби путешественники выехали из замка.

Крепкий бриз гнал волну. Парусам «Мунтжака», судя по всему, не терпелось наполниться им и умчать судно за горизонт. В глубине белоснежных полотен, вибрирующих от предвкушения, просвечивали бледно-голубые филлорийские овны.

В гавани играл духовой оркестр; ветер, несмотря на все старания капельмейстера, уносил музыку прочь. За полчаса до отплытия явился Бенедикт Фенвик с набором геодезических инструментов. Капитан, все тот же адмирал Лакер, отвел ему каюту поплоше.

– Вот так, значит... – сказал Элиот, стоя у схода с Квентином.

– Вот так.

– Ты в самом деле туда плывешь.

– А ты думал, я блефую?

– Была такая мысль. Ты попрощайся с Джулией за меня – и не забывай, что я тебе про нее рассказывал.

Джулия, похоже, не собиралась выходить из каюты до самого острова.

– Ладно. Вы как тут, обойдетесь без нас?

– Вполне.

– Если выяснишь, кто замочил Джоллиби, надери им задницу сам, не дожидаясь меня.

– Благодарствую. По-моему, это все же не Фенвики. Они считают нас мудаками, вот и вся их вина.

Квентин вспомнил, как поразил его при первой встрече неправильный прикус Элиота. Теперь он совсем перестал его замечать и находил совершенно естественным, как челюсти кита-горбача.

– Я бы речь толкнул, – сказал Элиот, – только ее никто не услышит.

– Ничего. Буду действовать в интересах народа Филлори и скажу мятежным островитянам, которые, наверно, просто забыли про эти налоги (было бы еще за что их платить и чем), что мы желаем восстановить справедливость и хорошо бы им это запомнить.

– Тебе, я смотрю, на месте уже не стоитя.

– Да. Стоитя с большим трудом.

– Ну так иди. Кстати, забыл сказать: говорящие звери от-

рядили с вами своего представителя.

— Кого это?

— Что бы это ни было, оно уже на борту. Политкорректность, ничего не поделаешь.

— Мог бы меня спросить.

— Мог бы, да побоялся, что ты будешь против.

— Я начинаю уже скучать по тебе. Ну пока, через недельку увидимся.

Квентин легко избежал по сходням. Их тут же убрали за ним, и со всех сторон слышались невразумительные морские команды. Квентин, стараясь никому не мешать, поднялся на ют. Корабль выходил из стабильного сухопутного мира в подвижную плещущую среду.

За пределами гавани мир опять изменился. Воздух похолодел, ветер окреп, море стало свинцовым. Паруса «Мунтжака» надулись, новый рангоут напрягся с довольным скрипом.

Квентин стоял на корме, смотрел на оставляемый кораблем след и чувствовал, что здесь он на месте. «Мунтжаку», в отличие от всего прочего Филлори, он был нужен по-настоящему и оправдал доверие старого корабля. Выпрямившись, Квентин любовно погладил поручни. Нечто невидимое, но очень тяжелое разжало когти, снялось с его плеч и улетело в морскую даль в поисках другого насеста. Возможно, по возвращении домой оно снова будет поджидать Квентина, но пока он может вздохнуть.

Обернувшись, он увидел прямо за собой Джулию. Он не слышал, как она подошла. Она сияла какой-то неземной красотой. Ветер развеивал ее черные волосы, кожа серебрилась – свет тут такой, что ли; прикоснешься к ней, и тебя ударит, как током. Если им суждено полюбить друг друга, то случится это здесь, на «Мунтжаке».

Они вместе смотрели на тающий позади Белый Шпиль. Джулия, как и Квентин, выросла в Бруклине. Она одна во всем мире, в любом из миров, способна понять, какие чувства он испытывает сейчас.

– Что, Джулс? Недурственно? Сама поездка, конечно, туфта, но погляди вот на это! – Он обвел рукой корабль, море, небо и их обоих. – Давно надо было.

Глаза Джулии так и не пришли в норму: оставаясь сплошь черными, они выглядели весьма странно рядом с девчоночьими веснушками.

– Я и не заметила, что мы уже плывем, – сказала она.

Глава 4

Чтобы рассказать историю Джулии, нужно вернуться в тот холодный бруклинский день, когда Квентин поступил в Брекбиллс. Джулия держала вступительный экзамен вместе с ним, и это стоило ей трех лет жизни.

Их истории, начавшись в один день, развивались совсем по-другому. Если судьба Квентина переломилась, то судьба Джулии дала всего лишь тонкую трещину.

Поначалу это ей не мешало. Жизнь, хоть и надтреснутая, вполне годилась к употреблению. Проводив Квентина и Джеймса к дому, где им предстояло пройти собеседование на предмет поступления в Принстон, Джулия отправилась в библиотеку. Накрапывал дождь. В этом она была более или менее уверена, а вот в последующем не очень.

Сидя в библиотеке с ноутбуком и стопкой книг, она писала работу для мистера Карраса. Тема была что надо: общество социалистов-утопистов, существовавшее в девятнадцатом веке в штате Нью-Йорк. Высокие идеалы не мешали им заниматься групповым сексом, а впоследствии они вообще бросили свои заморочки и начали производить столовое серебро. У Джулии были кое-какие мысли насчет того, почему с серебром у них получилось лучше, чем с царством Христа на Земле, – мысли, как ей представлялось, верные. Стоит лишь обратиться к цифрам, чтобы получить нужный ответ.

Джеймс, зайдя за ней, рассказал о несостоявшемся собеседовании: преподаватель, который должен был его проводить, вдруг взял и умер. Одно это было достаточно странно. Джулия вернулась домой, пообедала и до четырех утра дописывала работу у себя в комнате. Потом поспала три часа, пропустила два первых урока, чтобы написать примечания, и пришла на обществоведение.

Этот отрезок времени оставил у нее какое-то нереальное впечатление – что в общем понятно, когда ложишься в четыре и встаешь в семь. Все начало разваливаться только неделю спустя, когда ей вернули работу.

Дело было не в отметке. Отметку мистер К. поставил хорошую, А с минусом, что делал не часто. Проблема заключалась... в чем, собственно? Джулия перечитала свое эссе и обнаружила, что совершенно его не помнит, но она ведь строчила в ударном темпе. Потом ее взгляд зацепился за то же самое, что и взгляд мистера К: за неправильную дату.

Сексуальная практика утопистов, жуть сплошная, подпала под одну из статей федерального закона об изнасиловании. Статью эту приняли в 1878 году, а Джулия написала, что в 1881-м. Мистер К. нипочем бы этого не заметил – хотя он тот еще тип, Джулия не удивилась бы, узнав, что он сам нарушил пару таких статей, – но Википедия допустила ту же ошибку, а он любил ловить учеников на излишнем доверии к Википедии. Проверил дату по другим источникам, нарисовал на полях большой красный крест и минус поставил.

То, что такой ляпсус сделала именно Джулия, по-настоящему удивило его.

Джулия сама удивлялась, поскольку Википедией никогда в жизни не пользовалась. Во-первых, мистер К. каждый раз это проверял; во-вторых и в главных, Джулия, в отличие от многих своих одноклассников, любила точные факты. Перечитав эссе еще раз, она обнаружила еще две ошибки – всего две, но ей хватило и этого. В процессе работы Джулия всегда сохраняла черновики (маркировка исправлений в Ворде – чистое надувательство); обратившись к ним, чтобы узнать, в какой момент пропустила эти неточности, она обнаружила, что никаких черновиков нет. Один только чистовик.

Этот вроде бы мелкий и вполне объяснимый факт нажал на красную кнопку, и Джулия катапультировалась из своей уютной кабины.

Файл, как показывал ее ноутбук, был завершен в обеденное время, и это пугало ее. Джулия все четче осознавала, что помнит тот день в двух разных версиях. Одна была вполне себе реалистической, как у тех авторов, которым жизненные детали важнее занимательного сюжета. В этом варианте она пошла в библиотеку, куда позднее явился и Джеймс, пообедала и дописала свое эссе.

Другая версия была совершенно трехнутая. В ней Джулия, проведя обычный компьютерный поиск за библиотечным столом светлого дерева, наткнулась на странный шифр, отсылающий к подвальному книгохранилищу: в этой биб-

лиотеке подвала не было.

Словно во сне, она двинулась к матированному лифту, и что же? Под белой пластиковой кнопкой с надписью *Цоколь* обнаружилась точно такая же кнопка, обозначенная *Подвал*. Джулия нажала ее. Та зажглась, и Джулия стала спускаться, ожидая увидеть самый обычный подвал с железными стеллажами, гудящими дневными светильниками и трубами, из которых торчат красные лепестковые клапаны непонятного назначения.

На выходе, однако, ей открылось нечто совсем другое: солнечная терраса сельского особняка и зеленый сад. Ей объяснили, что это школа магов, что называется это место Брекбиллс и что ее тоже примут сюда, если она сдаст экзамен.

Глава 5

Первое пробуждение Квентина на борту «Мунтжака» могло сравниться разве что с первым брекбиллским утром. Его койка в узкой и длинной каюте помещалась напротив целого ряда окон, расположенных в паре ярдов выше ватерлинии. Все в каплях, они отражали блики освещенного солнцем моря, по которому с невероятной скоростью мчался корабль. Книжные полки, шкафы, комоды были с умом закреплены вдоль стен и под койкой – Квентину казалось, что он лежит внутри китайской головоломки.

Ступив на прохладный дощатый пол, он ощутил небольшую качку и легкий крен. Теперь он будто бы оказался в брюхе большого, но дружелюбного морского млекопитающего, любителя скоростного плавания. Квентин относился к меньшинству, не страдающему морской болезнью и раздражающему этим невезучее большинство.

Он достал одежду из миниатюрного стенного гардероба (то есть переборочного, выражаясь морским языком). Специальные доски-бортики не давали книгам сыпаться с полок во время шторма. Завтрак и посещение туалетной комнаты ничего особо хорошего не сулили, но все остальное представлялось Квентину верхом блаженства. Так хорошо он себя не чувствовал уже много месяцев, не сказать лет.

На палубе бездельничал он один. Команда «Мунтжака»

была невелика для судна таких размеров: семь матросов и капитан. В данный момент все вахтенные прилежно сплескивали концы, драили палубу и лазили вверх-вниз по канатам. Джулии не было видно. Адмирал Лакер и Бенедикт обсуждали некую навигационную тонкость с жаром, которого Квентин ни в ком из них раньше не замечал.

Квентин мог бы в случае надобности помочь им с погодой, но даже Джулия, владевшая погодной магией лучше его, вряд ли улучшила бы то, что имелось в наличии – ясное небо и свежий западный ветер. А не влезть ли ему на мачту?

Облюбовав себе третью, самую маленькую, Квентин потряс руками в целях разминки. Глупая мысль, пожалуй, но кому хоть раз в жизни не хотелось залезть на мачту парусника, идущего полным ходом? В кино это очень легко, а вот на деле... ни тебе перекадаин, ни выступов. Квентин, поставив ногу на медную утку, поймал на себе взгляд рулевого. Да, гражданин, твой король лезет на мачту, не зная, как это делается. Смирись с этим.

Не так уж это оказалось и сложно. Там, где не было уток и реек, имелись ванты – лишь бы не дернуть за что не надо. Квентин ободрал себе пару костяшек и занозил большой палец. Мачта гудела; он чувствовал, как она, упираясь в трюм, принимает на себя напор ветра и совмещает его с напором воды под килем. Нет бы раньше сообразить, что тут наверху очень холодно: ты переходишь в другую климатическую зону, а то и прямо в нижние слои космоса.

Квентин не принял в расчет также и крен корабля, внизу почти незаметный. Чем выше забираешься, тем сильнее наклон. Квентин повторял про себя, что на самом деле никакой опасности нет и «Мунтжак» не перевернется... возможно.

На самом верху палуба ушла вбок – если он упадет, то в воду, во вздыбленный чан бутылочного стекла. Футы в пятидесяти от правого борта прокладывало след нечто крупногабаритное, молочно-серое и тупорылое. Хвост расположен горизонтально, значит, не кит – скорее всего, акула. Неопознанный объект вскоре ушел в глубину и скрылся из виду. На такой высоте начинаешь осознавать, как ты мал по сравнению со всем остальным.

Спускаться было проще. Ступив на палубу, Квентин решил пойти в другом направлении, то есть в трюм. Темный люк тут же отгородил его от шумов верхнего мира, а трап в три коротких марша привел на самое дно корабля.

Здесь было тепло. На сырую деревянную стенку напирал океан. Трюм, битком набитый припасами, большого интереса не представлял, и Квентин хотел уже вернуться к реальности (или к тому, что сходит за нее в Филлори), когда из тьмы перед ним возникла перевернутая мохнатая рожица.

Квентин взвизгнул не слишком по-королевски и обо что-то стукнулся головой. Неизвестное существо, расположившись вполне комфортабельно, вверх тормашками висело на балке и смотрело на него влажными нечеловеческими глазами.

– Привет, – сказала оно.

Так. Одна тайна разгадана. Говорящее животное оказалось ленивцем, самым противным из знакомых Квентину млекопитающих.

– Привет, – ответил он. – Не знал, что ты здесь.

– Никто, похоже, не знает, – сказал ленивец. – Надеюсь, вы часто будете меня навещать.

До Дальнего они шли три дня, и с каждым днем становилось все жарче. Осенняя прохлада и стальные воды Белого Шпиля сменились субтропиками. При этом они двигались на восток, а не на юг или север – землянину это казалось странным, но филлорийцев, кажется, нисколько не удивляло. Может, этот мир вообще плоский, а не сферический? Бенедикт слыхом не слыхивал об экваторе. Команда переделась в белые робы, вот и вся песня.

Бенедикт, стоя у руля рядом с адмиралом, листал атлас прилегающих к Дальнему вод; карты пестрели точками и неряшливыми концентрическими изобарами. Капитан и топограф, пробившись совместными усилиями сквозь рифы и мели, наконец вышли к острову: на горизонте показались россыпи белого песка, зеленые джунгли и невысокая горная вершина. Примерно таким Квентин и представлял себе остров. Корабль, обогнув мыс, вошел в мелкую бухту.

Ветер тут же сник. «Мунтжак» по инерции достиг середины, колебля тихие зеленые воды. Паруса на мачтах обвисли.

Узкий пляж, палимый полуденным солнцем, усеивали сухие водоросли и волокнистая пальмовая кора. На одном конце бухты виднелась пристань, окруженная низкими постройками, на другом – довольно внушительное здание, гостиница или загородный клуб. В целом это напоминало рыбацкий поселок Лазурного Берега, но ни единой живой души не было видно.

Может, у них сиеста. «Не будь идиотом, – одернул себя Квентин, чувствуя растущее возбуждение. – Ты сюда по делу приехал – налоги собрать».

На воду спустили баркас. Квентин сел в него вместе с Бинглом и Бенедиктом, который даже стесняться перестал от волнения. Джулия присоединилась к ним в последний момент. Ленивец не пожелал отцепляться от своей балки. Он попросил принести ему сочных побегов или мелкую ящерку – если попадется, конечно; он ведь всеядный – и вновь смежил сонные веки.

Гребцы направились к длинному шаткому пирсу с нелепым маленьким куполом на конце. Гладкую, как пруд, бухту окутывала мертвая тишина.

– Жутковато, – заметил Квентин. – Надеюсь, это не Ронанок⁷.

Все промолчали. Жаль, что с ними нет Элиота или хотя бы

---

⁷ Английская колония на одноименном острове в округе Дэйр (в настоящее время – Северная Каролина, США). Основана при Елизавете I. Первые поселенцы пропали без вести.

Дженет. Джулия, все плавание просидевшая в одиночестве, сцепила руки на коленях и прижала локти к бокам, чтобы ненароком кого-нибудь не задеть; непонятно было, дошла до нее историческая ссылка Квентина или нет.

Он обозрел берег в складную подзорную трубу, заколдованную так, чтобы показывать как видимые, так и невидимые создания – ну, в основном. Нет, никого. Труба, если покрутить дополнительный диск, показывала также и то, что происходило около часа назад; все это время на берегу тоже никого не было.

Пирс поскрипывал. Солнце палило нещадно. Квентин думал, что в качестве короля сойдет первым, но Бингл, относившийся к обязанностям телохранителя крайне серьезно, ему не позволил. Эта серьезность не вязалась с его звонким именем – хотя такому имечку мог соответствовать разве что клоун на детском празднике.

Большой дом, который они видели издали, был выстроен из дерева и выкрашен в белый цвет, как особняк на старой южной плантации. У стеклянных входных дверей стояли ионические колонны, краска порядком облупилась. Бингл толкнул дверь и вошел. Квентин последовал за ним, решив насладиться неизвестностью в полной мере. Внутри после солнца было черным-черно и прохладно.

– Осторожно, ваше высочество, – сказал Бингл.

Когда глаза привыкли к полумраку, Квентин увидел обветшалую, но роскошную комнату с письменным столом в

центре. За ним сидела маленькая девочка с прямыми светлыми волосами, ожесточенно рисуя что-то на бумажном листе. Увидев вошедших мужчин, она крикнула, обернувшись к лестнице:

– Мама, к нам пришли! Только песок в дом не натаскивайте, – добавила она, возвращаясь к своему рисованию. – Добро пожаловать в Филлори.

Девочку звали Элинор. Ей было пять, и она очень ловко рисовала пегасов, только это были не крылатые кони, а крылатые кролики. Квентин не знал, настоящие они или выдуманные – в Филлори это не так просто определить. Ее мама, красивая женщина лет под сорок с тонкими губами, неожиданно бледная для жаркого климата, спустилась по лестнице на каблуках, в строгом костюме и тут же согнала дочку со стула. Элинор, не протестуя, собрала рисунки с карандашами и убежала наверх.

– Добро пожаловать в королевство Филлори, – произнесла она низким гортанным голосом. – Я таможенный агент. Прошу назвать ваши имена и страну.

Она раскрыла толстую приходную книгу, держа наготове смоченный фиолетовыми чернилами штамп.

– Квентин Колдуотер, король Филлори.

Она помедлила, вскинув брови с легкой иронией. Деловая, но сексуальная. Таможенница-вамп.

– Вы король Филлори?

– Один из. Королей в стране двое.

Отложив штамп, она написала в графе «род занятий»: *Король*.

– Страна, следовательно, Филлори?

– Ну да.

Она заполнила следующую графу – штамп оказался без надобности.

– Для филлорийцев процедура упрощена. Я думала, вы прибыли из-за моря.

– Обращайтесь к его высочеству с подобающим уважением, – рявкнул Бингл. – Вы не с рыбаком говорите, а с королем.

– Знаю, что с королем. Он назвался.

– Значит, титулуйте его «ваше высочество».

– Извините, ваше высочество. – Женщина не слишком скрывала, что ей смешно. – Мы здесь к королям не привыкли.

– Все в порядке, – торопливо вмешался Квентин. – Спасибо, Бингл, о своем достоинстве я уж как-нибудь сам позабочусь. Можете выдать мне сертификат со штампом, если хотите.

Бингл послал Квентину взгляд, говорящий: не умеете вы быть королем.

Таможенница по имени Илейн, определившись со статусом приезжих, проявила себя как радушная хозяйка. Через час на Дальнем принято пить коктейли, но не хотят ли гости

тем временем осмотреть остров? Гости только о том и мечтали. Только кому-то придется нести Элино́р, предупредила Илейн. Она славная девчушка, но очень ленивая.

– И ужасная кокетка. Подлизывается к мужчинам. Тот, кого она сочтет легкой мишенью, будет весь день таскать ее на себе.

Большой дом назывался посольством и был обставлен с неожиданным шиком: мягкие кресла и панели темного дерева, как в английском клубе для джентльменов. Никто не знал, когда все это сюда доставили – остров Дальний явно знал лучшие времена. Экспедиция, выйдя через заднюю калитку, двинулась по прорубленной в джунглях проезжей дороге. Илейн сорвала с ветки тропический плод и предложила Квентину. Сгустки семечек он выплевывал прямо в траву.

Запахи моря уступили хлорофилловой атмосфере джунглей. Там и сям встречались железные ворота, окрашенные когда-то в белое и успевшие с тех пор заржаветь. Аллеи за ними уходили в густую зелень. Илейн вкратце рассказывала о живущих там семьях. Квентин не понимал, почему она так строга с маленькой Элино́р – это противоречило ее приветливым открытым манерам. Бингл шел впереди с мечом наголо, готовый предотвратить любое покушение на особу короля. Квентину казалось, что это невежливо, но Илейн как будто ничего не имела против.

Они полюбовались тропическим часовым деревом – здесь это была пальма, не дуб. Квентин спросил Элино́р, умеет ли

она узнавать время по часам. Не умеет и не хочет уметь, ответила девочка.

– Вот вам маленькая принцесса, – заметила Илейн. Бенедикт на ходу делал зарисовки, стараясь не закапать потом блокнот. Джулия отстала, чтобы рассмотреть какой-то куст – или поговорить с ним. Не опасно ли это? Квентин почти инстинктивно флиртовал с Илейн, чтобы пробудить в Джулии дух соперничества, но если упомянутый дух и присутствовал в ней, то не желал пробуждаться.

Пройдя с полмили, они очутились в городе. Дорога, описав петлю, преобразилась в рыночную площадь – по крайней мере, здесь стояли ларьки, пахло рыбой и валялись растоптанные плоды. Сбоку высилось что-то наподобие ратуши. Остановившиеся часы на фронтоне смотрели, как слепой глаз циклопа, над входом обвис выгоревший, но еще узнаваемый филлорийский флаг.

Центр площади украшал гранитный обелиск со статуей на вершине. Муссоны и тропическая растительность обошлись с ним неласково, но каменный персонаж, судя по всему, героически встречал любые невзгоды.

– Капитан Бэнкс, – дала справку Илейн. – Основал филлорийскую колонию на острове Дальнем, потерпев здесь кораблекрушение.

Основатель и открыватель, подумал Квентин, но промолчал. Эта хохма, если считать ее таковой, здесь наверняка давно устарела.

– А где же все? – спросил он.

– Где-то поблизости. Мы здесь не очень склонны к общению.

Элинор попросилась на руки к матери, была отвергнута и принялась за Квентина, который послушно посадил ее на плечи. Илейн возвела глаза к небу, как бы говоря: а я вас предупреждала. Солнце устроило за деревьями кровавую баню, на что тут же отозвались москиты.

Элинор повизгивала, восхищенная ростом своего нового скакуна, и закрывала ему глаза краем юбочки: он уберет, а она опять за свое.

Квентин постоял немного с завешенными тканью глазами. Вот он я, отважный предводитель экспедиции, король всего, что лежит вокруг. Великого открытия не состоялось, ну и не надо. Довольство входило в грудь, как первый вечерний глоток алкоголя.

Квентин вздохнул при мысли, что после сбора недоимок у него не будет больше предлога здесь оставаться.

– Вы говорили что-то насчет коктейлей, – напомнил он.

Обед в посольстве превзошел ожидания. Страшноватую местную рыбу, очень зубастую, подали с гарниром из фруктов наподобие манго. Элинор носила из кухни соль, бокалы и прочее с изяществом гимнастки, выступающей на бревне, но один бокал около половины девятого все-таки уронила.

– Отправляйся спать, Элинор, – распорядилась Илейн. –

Никакого тебе десерта. В постель.

Девочка разрыдалась, выпрашивая пирожное, но мать была непреклонна.

Взрослые, расположившись на плетеных стульях верхней веранды, попивали какой-то сладкий спиртной напиток. «Мунтжак» зажег огни на носу, на корме и на мачтах. Джулия применила защитные чары от насекомых.

Квентин, отлучившись будто бы в ванную, нашел в кухне сладкий пирог под стеклянной крышкой, отрезал кусочек и отнес Элинора.

– Ш-шш, – сказал он, закрывая за собой дверь. Девочка, явно знакомая с правилами конспирации, быстро разделалась с пирогом, и Квентин унес на кухню улики – тарелку с вилкой.

Илейн он нашел на веранде одну: Джулия ушла спать. Если она и питала к Квентину какие-то чувства, то бороться за него не намеревалась. Их совместная поездка пока не дала никаких результатов. Черт с ним, с романом, поговорить бы с ней просто. Квентин беспокоился за нее.

– Извините, что так непочтительно говорила вначале с вашим высочеством, – сказала Илейн.

– Пустяки. – Квентин с некоторым усилием вернулся мыслями к ней. – Я и сам все еще привыкаю.

– Было бы легче, если бы вы носили корону.

– Одно время носил, но очень уж она неудобная. И вечно падает в самый неподходящий момент.

– Могу себе представить.

– На крещении, скажем. При кавалерийской атаке.

Лунный свет вселял в него ощущение собственной неотразимости. *Le roi s'amuse*⁸.

– Просто террористка какая-то.

– И не говорите. Теперь я ограничиваюсь королевской осанкой – уж ее вы не могли не заметить.

Ее лицо в темноте не поддавалось прочтению. На небе кисели экзотические восточные звезды.

– Я сразу же обратила внимание. – Илейн начала скручивать сигарету. Прикажете считать это флиртом? Она лет на пятнадцать старше его. Стоило проплыть 477 морских миль, чтобы встретить единственную в джунглях пантеру. Интересно, кто отец Элинор?

– Вы родились здесь, на острове? – спросил Квентин.

– О нет. Родители жили на материке, близ Южного Сада. Отца своего я не знаю. Это всего лишь очередное назначение; я посвятила дипломатической службе всю свою жизнь и побывала уже во всех уголках империи.

Квентин важно кивнул. Он и не знал, что в Филлори есть дипломатический корпус – надо будет заняться этим вопросом, вернувшись в столицу.

– К вам заходит много судов? Я имею в виду иностранные, из-за моря.

– Нет, к сожалению. Открою вам страшную тайну: ни од-

---

⁸ «Король забавляется» (*фр.*). Пьеса В. Гюго (1832) о Франциске.

ного за весь срок моей службы. За все триста лет через эту таможню не проходил ни единый корабль из-за Восточного океана. Думаю, мой пост можно смело назвать синекурой.

– Ну да, если вам нечего делать...

– Жаль, конечно. Видели бы вы наши таможенные сертификаты, одна шапка чего стоит. Я вам завтра оттисну штамп, это настоящее произведение искусства.

Огонек ее сигареты светился во мраке. После недолгого гедонистического периода в Нью-Йорке Квентин уже три года как не курил, но аромат табака соблазнил его. Илейн снова взялась за изготовление самокрутки – сам он разучился, вернее, никогда не умел: у Элиота для этого была хитрая серебряная машинка.

– Не хотелось бы говорить, но мы пришли к вам с определенной целью.

– Догадываюсь с какой. За волшебным ключом?

– Нет-нет, не за ним.

Она положила ноги на сундучок, которым пользовалась вместо стола.

– Зачем же тогда?

– Вы, то есть остров, не заплатили налоги за прошлый год.

Илейн залилась смехом и даже в ладоши хлопнула от восторга.

– И за ними послали вас? Короля?

– Королей не посылают. Сам вызвался.

– Понятно. – Она вытерла ладонью глаза. – Такой мик-

роменеджер, да? Надо было, конечно, давно отправить вам эти деньги, мы ведь не голодаем. Завтра свожу вас посмотреть золотых жуков. Удивительные создания: едят землю, а какают золотоносной рудой, и гнезда у них золотые. Да вот, возьмите. – Она ногой подвинула к нему сундучок. – Золота здесь полно, сундук прилагается даром.

– Отлично. Благодарю вас.

Итак, его миссия выполнена. Квентин затянулся и подавил кашель – курильщиком он пробыл совсем недолго. Да и перебрал он, пожалуй, этого... рому, что ли. Сладкое, крепкое, делается на тропическом острове; пусть будет ром.

– Мы годами от вас ничего не слышали, немудрено и забыть о налогах. Зачем вам, собственно, это золото?

Ответы Квентину подворачивались самые несолидные – например, чтобы позолотить заново скипетр Элиота. Налоги без представительства! Впору революцию поднимать⁹. Илейн права, это попросту нереально.

– Подумайте сами: к нам посылают короля – есть, казалось бы, чем гордиться. Но какова истинная причина вашего путешествия? Не говорите, что дело в одних налогах, это так скучно.

– Вынужден разочаровать вас.

– Я была уверена, что вы ищете ключ, заводящий мир.

Трудно было понять, шутит она или нет.

---

⁹ «Нет налогам без представительства [в английском парламенте]» – один из лозунгов Американской революции.

– Если честно, Илейн, я практически ничего не знаю о нем. Это ведь просто сказка? Много у вас бывает таких искателей?

– Нет, но это единственное, чем мы знамениты – если не считать золотых жуков.

На небо взбирался месяц, оранжевый, как сигаретные огоньки – казалось, его рог вот-вот зацепит снасти «Мунт-жака». Луна в Филлори никогда не бывает полной и каждые сутки, ровно в полдень, проходит между планетой и солнцем, вызывая затмение. Птицы до сих пор не привыкли к этому и каждый раз замолкают, а вот Квентин уже и замечать перестал.

– На самом деле ключа здесь нет, – сказала Илейн.

– Я так и думал. – Квентин подлил себе рому из графина – просто так, спиртного ему больше не хотелось. Интересно, раскрыли ли уже дело Джоллиби.

– Искать его нужно на Крайнем. Следующем за нами острове.

– Простите, не уловил. Где-где?

– За нами есть еще один остров под названием Крайний. Плыть до него дня два или три. Мне самой не доводилось, но ключ находится там.

– Вы, полагаю, шутите?

– А разве похоже?

Кто ее разберет. Улыбка, во всяком разе, имела место.

– По-моему, этот ключ чисто метафорический. Ключок

бумаги, на котором написано что-то вроде «поспесишь – людей насмешишь». Или там «рано в кровать, рано вставать».

– Нет, Квентин. Самый настоящий золотой ключик, с бородкой, как полагается. Если верить молве – волшебный.

Квентин уставился на дно своего бокала. Мыслительный аппарат отказывался работать, и винить за это было некого, кроме себя самого. Поспесишь – людей насмешишь.

– Кому нужен золотой ключ? Слишком мягкий материал, гнуться будет.

– Смотря куда его вставить.

Квентину стало жарко, кровь прилила к щекам. Хорошо еще, что ночь прохладная и бриз поднимается.

– Волшебный золотой ключ в двух днях пути от вашего острова. Почему вы сами до сих пор за ним не отправились?

– Не знаю. Возможно, за неимением волшебных замков.

– Мне даже в голову не приходило, что он настоящий.

Это не просто искушало: во мраке большими неоновыми буквами зажглась вывеска ПРИКЛЮЧЕНИЕ. Остров Дальний оказался обманкой, пустым номером, но теперь выяснялось, что конечным пунктом был вовсе не он.

Илейн выглядела более собранной и трезвой, чем Квентин. Еще бы, она пьет этот ром каждый вечер. Что будет, если он возьмет и поцелует ее? Если они вместе лягут в постель? Тропическая ночь... луна светит... Зря он в таком случае столько выпил. И если подумать, не так уж ему и хо-

чется припасть поцелуем к этим улыбающимся тонким губам.

– С вашего позволения, Квентин... я не уверена, стоит ли вам искать этот ключ. Дальний довольно безопасен для острова, но его можно рассматривать и как отправную точку. Именно здесь кончается Филлори. Здесь вы всемогущий король, а там, – она махнула рукой за темную бухту, где светились огни «Мунтжака» и глухо шумел прибой, – там вы всего лишь Квентин. По-вашему, этого достаточно?

Квентин хорошо ее понимал. Он снова оказался на кромке, за которой начинается неизведанное. Край поляны, где погиб Джоллиби. Окно кабинета, за которым внезапно возникли трое его друзей. Здесь он может все, там – еще неизвестно.

– Понятия не имею, – сказал он. – Это и заставляет нас искать приключений – мы хотим узнать, достаточно этого или нет. Надо только быть уверенным, что действительно хочешь узнать.

– Вы совершенно правы, ваше высочество, – сказала Илейн.

Квентин лег позже всех и последний встал утром. В Филлори, при отсутствии мигающих электронных часов реального мира, его чувство времени приятно растянулось, но солнце давало понять, что он сильно заспался. Как не стыдно валяться в потных простынях, когда другие давно встали и занимаются своими делами. В комнате, несмотря на распах-

нутые окна, стояла душлимая жара.

Ром, такой привлекательный прошлым вечером, проявил свою истинную натуру как мерзкий токсин, от которого сохнет во рту и мозги не шурупят. Квентин обругал себя вчерашнего за неумеренность и пошел искать воду.

Недостатка в ней не было. Не певчие ли птички снабжают островитян ключевой водой на манер золотых жуков? После холодной ванны и обильного питья голове стало легче. Когда сидишь в пресной воде и смотришь на океан, ощущение свежести и чистоты становится особенно сильным.

Память о прошлой ночи показывала ему зернистые, невнятно бормочущие фигуры, но одно представало со всей четкостью: золотой ключ. Илейн сказала, что он настоящий. В чем его волшебство? Что им можно открыть? Может, она и об этом говорила, а он забыл? Вроде бы нет. Зато она точно сказала, что ключ находится на острове Крайнем. Надо получить еще какую-то информацию и решить, куда двигаться дальше: на Крайний или домой.

Илейн он, спустившись к завтраку, уже не застал. Она оставила ему записку с напоминанием о сундуке с золотом и пожеланием всего наилучшего. К записке прилагалась тонкая серая книжка под названием «Семь золотых ключей» — на этом и все.

Золотых жуков и свой замечательный штамп она ему, стало быть, не покажет. Хорошо, что он вечером воздержался от приставаний.

Элино́р, однако, была на месте, сидела за маминым столом и рисовала на посольской бумаге крылатых заек. Квентин заглянул ей через плечо – шапки действительно были красивые.

– Доброе утро, Элино́р. Не знаешь, где твоя мама?

Он не часто имел дело с детьми и потому говорил с ними, как со взрослыми, но Элино́р как будто не возражала.

– Не-а, – ответила она весело, продолжая рисовать.

– А когда вернется, не знаешь?

Девочка потрясла головой. Куда это годится – оставлять пятилетнего ребенка совсем одного? Квентин пожалел малышку, вызывавшую в нем неведомые доселе, но приятные отцовские чувства. Ей явно недоставало как внимания, так и материнской любви.

– Нам пора уезжать, но мы ее подождем.

– Это не обязательно.

– Нет уж, мы подождем. Знаешь что? По-моему, твои пегасы – зайцы, а не кролики. Зайцы больше, и характер у них покруче.

– Все равно они зайки. У меня для тебя что-то есть. – Девочка выдвинула ящик стола; разбухший от влажности, он вывалился совсем, и она достала из него пачку исчерченных цветными карандашами листков. – Это паспорта. За границей они вам понадобятся.

– Кто тебе сказал, что мы собираемся за границу?

– Я так, на всякий случай их сделала. Их надо сложить

пополам.

Свои паспорта она, как видно, срисовывала с настоящих официальных бумаг: вид у них был внушительный. Сложив листок пополам, Квентин увидел на обложке герб Филлори, а внутри – свой портрет с широкой улыбкой и золотой короной на голове. Задняя сторона обложки являла взору герб острова Дальний: пальму и бабочку. Девочка нарисовала такие всем, даже ленивцу, которым очень интересовалась заочно. Скучно ей, должно быть, без сверстников, вот она и выдумывает.

Квентин как единственный ребенок хорошо ее понимал. Его родители тоже были не из тех, кто подчиняет ребенку всю свою жизнь: они предоставляли ему большую свободу и не предъявляли особых требований. А когда с тебя ничего не требуют, тебе начинает казаться, что ты ни на что путное в общем и не способен – странно, да?

– Спасибо, Элинора. Ты очень-очень нам помогла. – Нагнувшись, он чмокнул ее в беленькую макушку.

– Это тебе за пирог, – застенчиво сказала она.

– Я так и понял.

Бедная крошка. Надо будет учредить в Белом Шпиле что-то вроде попечительства над детьми.

– Вот дождемся твою маму и отплывем.

– Это не обязательно.

Но он все-таки решил подождать. Весь день они слонялись по дому и рыбачили с пристани. Квентин еще раз по-

пытался научить Элинор узнавать время по часовой пальме и опять получил отпор. Около четырех он велел Бенедикту отвести Элинор – вопреки ее энергичным протестам – в город и оставить с кем-нибудь понадежнее. Все остальные отправились на «Мунтжак», успевший пополнить запасы воды и провизии.

Час спустя вернулся и Бенедикт, утомленный, но торжествующий. Якорь подняли при появлении первых звезд. Игра окончена, корабль идет в Белый Шпиль.

Глава 6

Странная вещь приключилась с Джулией, когда она поняла, что ее работа по обществоведению – просто фальшивка. Прямо фокус-покус какой-то: была одна Джулия, и вдруг стало две, каждая со своей памятью. Первая, с нормальными воспоминаниями, продолжала вести нормальную жизнь: ходила в школу, делала уроки, играла на гобое. И переспала с Джеймсом, что давно собиралась сделать, но почему-то откладывала.

Вторая Джулия все это время росла в ней, как паразит или страшная опухоль. Первоначальная клетка сомнения делилась без передышки. Этой Джулии не было никакого дела до школы, гобоя и Джеймса. То, что Джеймс подтверждал историю первой Джулии – он помнил, как зашел к ней в библиотеку, – ровным счетом ничего не доказывало. Таинственные силы, дописавшие за нее эссе, и с Джеймсом заодно поработали, а он на это купился: второй Джеймс так и не появился на свет.

Беда Джулии была в том, что она всегда докапывалась до правды. Всяческие несоответствия мучили ее с раннего детства: в пять лет она задавалась вопросом, почему Гуфи умеет говорить, а Плуту нет. Как может одна собака считаться хозяином другой? А сейчас ей очень хотелось знать, кто был тот ленивый ублюдок, который лазил за справками в Вики-

педию, дописывая ее работу. Версия об агентах тайной школы волшебников, не слишком ее устраивавшая, подкреплялась второй памятью, крепнувшей день ото дня.

Джулия-два крепла вместе с памятью и пила соки из первой Джулии, которая слабела, худела и скоро достигла такой прозрачности, что паразитическая вторая сущность начала просвечивать сквозь нее.

Самым смешным в этой уморительной комедии было то, что никто ничего не замечал. Незамеченным прошло как ее затягивающееся молчание при общении с Джеймсом, так и то, что произошло в волчьей стае, именуемой юношеским оркестром при Манхэттенской консерватории: за три недели до праздничного концерта Джулия уступила партию первого гобоя куда менее одаренной Эвелин О, так и не исполнив утиное соло из «Пети и волка». Гобой Эвелин, вечно кричащий и вякающий, наконец попал в тему.

Вторую Джулию, как уже говорилось выше, попросту не интересовали ни Джеймс, ни гобой, ни школа. Отсутствие интереса к последней подвигло ее на большую глупость: делая вид, что подала заявку в престижный колледж, она на самом деле ничего такого не сделала. Это тоже прошло незамеченным, но обещало открыться в апреле, когда блестящая Джулия поступит в нечто отстойное. Бомба с часовым механизмом, заложенная номером два, только и ждала, чтобы подорвать судьбу первого номера.

Так прошел декабрь, а к марту их с Джеймсом отношения

повисли на волоске. Волосы и ногти она теперь красила в черный цвет, чтобы лучше соответствовать второй Джулии. Поначалу Джеймс находил это готическим, эротическим и прилагал больше стараний по части секса; ее это не то чтобы вдохновляло, но позволяло меньше с ним разговаривать. Они никогда не были такой идеальной парой, какой казались со стороны. Джеймс к настоящим вундеркиндам только примазывался: ну сколько можно растолковывать собеседнику свои ссылки на Геделя-Эшера-Баха?¹⁰ Довольно скоро он обнаружил, что Джулия не просто косит под сексуально депрессивного гота, а на самом деле стала такой.

Ей это доставляло безумное удовольствие. Обмакнув ногу в водоем плохого поведения, она сочла температуру как раз подходящей. Когда ведешь себя хорошо слишком долго, люди начинают о тебе забывать. Раз ты ни для кого не проблема, тебя просто вычеркивают из списка вещей, о которых следует беспокоиться, и машут крыльями не над тобой, а над плохими девчонками. Теперь на Джулию, благодаря тихой подрывной работе второго номера, тоже начали обращать внимание, и ее это радовало.

Потом приехал на каникулы Квентин. Когда она задумывалась над тем, куда он делся после первого семестра, мысли сразу начинали путаться – знакомое чувство: точно такой

---

¹⁰ «Гедель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда» – книга Дугласа Хофштадтера (Пулитцеровская премия, 1979). Рассматривает параллели в работах и биографиях логика Курта Геделя, художника Маурица Корнелиса Эшера и композитора Иоганна Себастьяна Баха.

же туман окутывал потерянную ей половину дня. А легенда Квентина о суперэкссклюзивном экспериментальном колледже сильно отдавала Джулией-один, то есть враньем.

Квентин, в общем, всегда ей нравился. Саркастичный, умный до жути, но в глубине души добрый – полечить его, и будет совсем хорошо. Подавить как-то непрерывную циркуляцию серотонина в его черепушке. То, что Квентин влюблен в нее, а она не чувствует к нему никакого влечения, угнетало ее, но не так чтобы очень. Из себя он был вполне ничего, лучше, чем сам полагал, но эти его филлорийские штучки расхолаживали ее как не знаю что – и проблема, как она хорошо понимала, была не в ней.

Тогда, в марте, она почувствовала в нем перемену. Глаза у него блеснули по-новому. Он ничего не рассказывал, но этого и не требовалось: он кое-что повидал. От его пальцев шел запах, как в научном музее после запуска большого генератора Ван де Граафа, повелителя молний.

Они втроем сидели на лодочной пристани у канала Гоэнус, и Джулия курила сигарету за сигаретой. Квентин, знала она, прошел туда, куда ее не пустили.

Она вроде бы видела его там. В Брекбиллсе, на экзамене. В зале с нарисованными мелом часами, стаканами воды и постепенно исчезающими абитуриентами. Теперь она поняла, что он точно там был. Только у него-то вышло иначе: пришел и с ходу все сдал. Как же, школа волшебников! Он всю жизнь ждал чего-то такого – со дня на день, можно ска-

зять, готовился.

А вот Джулию это застало врасплох. Никогда она не думала, что с ней случится нечто необычайное. В ее жизненные планы входило делать необычайные вещи самой, что было куда разумнее с точки зрения теории вероятности: кто же знал, что диво вроде Брекбиллса вдруг хлопнется ей на колени ни с того ни с сего? Попад туда, она просто рот разинула – а ведь могла бы управиться, например, с математическими задачами. Видит бог, могла бы. На математику она ходила вместе с Квентином с десяти лет; все, что он сумел, сумела бы и она – с закрытыми глазами в случае надобности.

Но она слишком много времени озиралась по сторонам, соображая, что тут к чему. Не приняла все это с первого взгляда, как Квентин. Как можно сидеть и спокойно решать дифференциальную геометрию, стучало у нее в голове, когда вокруг нас нарушаются фундаментальные законы термодинамики и Ньютоновой физики? Эта фигня и занимала ее мозги вместо экзамена. Вся ее вина в том, что она реагировала на происходящее как разумный, рассудительный человек.

В итоге Квентин прошел, а она сидит и смолит без продыху на пристани у Гоэнуса, рядом со своим оркообразным дружкой. Квентин сдал, она провалилась. Здравый смысл, похоже, оказал ей плохую услугу. Надо было почаще читать про Филлори.

В тот день, после ухода Квентина, Джулия рухнула окончательно. Если состояние, когда чувствуешь себя паршиво

нон-стоп, называется депрессией, то, значит, это она и была. Джулия заразилась этим недугом от всего остального мира.

Мозгоправ, к которому ее послали, поставил более точный диагноз: дистимия. Неспособность радоваться тому, что в принципе должно радовать. Джулия признала его правоту, хотя в качестве дистимичного семиотика могла бы поспорить с термином «должно», будь у нее на это энергия. То единственное, чему она в принципе бы порадовалась, с должествованием не имело ничего общего. Речь шла о магии.

Нормальный будничный мир превратился для нее в постапокалиптическую пустыню. Пустые магазины, пустые дома, обгоревшие автомобили, погасшие светофоры над опустевшими улицами. Выпавший из ноября кусок дня всосал в себя ее жизнь подобно черной дыре: пройдя радиус Шварцшильда¹¹, чертовски трудно выкарабкаться назад.

Она распечатала и прикрепила к двери своей комнаты отрывок из Донна.

Неверный свет часов на семь проглянет:

Здоровья солнцу неостанет

Для настоящего огня;

Се запустенья царство;

Земля в водянке опилась лекарства,

А жизнь снесла столь многие мытарства,

Что дух ее в сухотке в землю слег;

---

¹¹ Черная дыра определяется как тело с радиусом меньше гравитационного радиуса (радиуса Шварцшильда).

Они мертвы, и я их некролог¹².

Точка с запятой, видимо, была пискom моды в семнадцатом веке, но в целом это верно отражало состояние духа Джулии. Жизнь в сухотке... все соки ушли из нее, оставив только мертвую невесомую шелуху: тронь, и рассыплется.

Примерно раз в неделю мать спрашивала: «Может быть, тебя изнасиловали?» Ответить «да» было бы, вероятно, проще. Родители не понимали ее и жили в страхе перед ненасытным дочкиным интеллектом. Сестра, на четыре года моложе, робкая черненькая антиматематичка, обходила старшую на цыпочках, как дикого зверя: вдруг вцепится, лучше не совать пальцы в клетку.

Джулия, конечно, задавалась вопросом, не сошла ли она с ума. Какой нормальный человек (ха!) не задавался бы? Выглядела она определенно ненормальней, чем раньше. Приобрела дурные привычки: грызла ногти, не каждый день принимала душ, ничего не ела и целыми днями не выходила из комнаты. Доктор Джулия полагала, что страдает шизофренией – отсюда и гаррипоттеровские галлюцинации с параноидальным оттенком.

Да нет, доктор, не так все просто. Для галлюцинации эта штука слишком твердая и сухая на ощупь. Во-первых, она единственная и ни во что другое не переходит, во-вторых,

---

¹² Из стихотворения «Ноктюрн в день святой Люси, самый короткий день года». Перевод А. Сергеева.

никакая это не галлюцинация. Это было на самом деле.

Если это и безумие, то совершенно нового вида, не задокументированное пока в «Диагностически-статистическом справочнике психических заболеваний». У нее учебофрения. Воспаление ботанизма.

С Джеймсом она порвала – вернее, просто перестала отвечать на его звонки и здороваться, встречаясь с ним в школе. Проверив свой средний балл, весьма солидный на тот момент, она обнаружила, что можно посещать школу два дня из пяти, хватать одни двойки и все-таки получить аттестат. Главное – не сорваться с каната, а она теперь стала заправским канатоходцем.

Она продолжала регулярно ходить к мозгоправу. Он был, в общем, приличный дядька, хотел как лучше, носил щетину и лелеял определенные надежды на будущее. О тайной школе волшебников Джулия ему не рассказывала – если она и была сумасшедшей, то душой уж точно нет. Она смотрела «Терминатор-2» и помнила, что произошло с Сарой Коннор.

Время от времени ее убежденность слабела. Она знала то, что знала, но не находила никакой пищи для своей веры. Гугл время от времени выдавал пару упоминаний о Брекбиллсе, но через несколько минут они исчезали словно по волшебству – видимо, кто-то бдительный исправно чистил гугловский кэш.

В апреле они наконец прокололись. Джулия нашла в почтовом ящике семь конвертов: из Гарварда, Йеля, Принстона,

Колумбийского, Стэнфорда, Массачусетского и Калифорнийского технологических. Поздравляем, рады видеть вас в числе наших студентов. Ха-ха-ха, врете больше! Она прямо обхохоталась. Родители тоже смеялись – от облегчения. Продолжая угорать, она порвала конверты с письмами пополам, один за другим, и выкинула в мусорное ведро.

Вот идиоты. Хватило же ума придумать такое. Неудивительно, что вы приняли Квентина: такие же хреновы умники, как и он. Думали купить меня за пачку конвертов? Надеялись, что я променяю на них волшебное королевство, принадлежащее мне по праву рождения?

Зря надеялись. Если это игра на выживание, то я никуда не спешу. Вы хотели решить эту проблему по-быстрому, но быстрого решения нет. Садитесь, друзья, поудобнее – Джулия сейчас сделает первый ход.

Глава 7

На обратном пути король вменил себе в обязанность совершать ежедневный обход корабля. Первым его шагом после отплытия с Дальнего стал Бенедикт. «Мунтжак» мчался вдаль под тропическим солнцем, и Квентин чувствовал себя глуповато: стоило снаряжать такой корабль для столь банальной поездки. Бенедикт у себя в каюте скрючился над складным письменным столиком. На разостланной перед ним морской карте виднелось несколько маленьких островков и стояли циферки, обозначающие, видимо, глубину океана. Мели кто-то позаботился окрасить в бледно-голубой цвет.

Во время путешествия их отношения не стали теплее, но Квентину чем-то нравился этот юнец: может быть, стойкой непочтительностью к своему королю, для чего ему требовался недюжинный внутренний стержень. Кроме того, Бенедикт был величайшим на все Филлори ботаником и притом относился к виду, который в реальном мире уже не встречается: ботаник-географ.

– Ну, что подделываешь? – спросил Квентин.

– Травлю в основном, – пожал плечами юный ученый.

Все это время Квентин не часто с ним виделся, хотя пару уроков математики дать успел. Невзирая на то, что в Филлори эта наука пребывала на зачаточном уровне, парень очень

быстро считал в уме; удивительно, как далеко он сумел продвинуться собственными усилиями.

– А это что у тебя?

– Старая карта, – пробурчал, не подымая глаз, юноша. – По-настоящему старая. Ей лет двести.

Квентин, сцепив руки за спиной, взглянул через его плечо.

– Из посольства взял?

– Скажете тоже. Она там на стенке висит.

– Я вижу здесь печать Дальнего.

– Я ее скопировал.

– И печать тоже?

– Все, что было на карте.

У Бенедикта, если он только не врал, был настоящий талант. Копия получилась точная и четкая, без единой помарки.

– Удивительно. У тебя просто дар к этому делу.

Бенедикт покраснел до ушей. Хвалу и хулу со стороны Квентина он сносил одинаково плохо.

– А как тебе геодезия? Ты, наверно, к другой привык?

– Терпеть этого не могу. Чертова путаница. Все не так, как должно быть. Не подчиняется математике. – С досады он даже вылез на время из своей раковины. – Неправильно все. Прямых линий попросту не бывает! Я всегда знал, что карты – вещь приблизительная, но только теперь понял, насколько. Нет уж, хватит с меня.

– Как это? Не хочешь больше быть картографом?

– Смысла нет. Гляньте вон туда, – Бенедикт махнул на стенку, за которой катились волны, – а теперь сюда посмотрите, – он ткнул пальцем в карту. – Здесь совершенство, там хаос.

– Но ведь карта – просто условность. Почему бы ей не быть совершенством?

– Карты морской болезни не вызывают.

От Квентина не укрылась ирония – это ведь он велел плыть обратно, к Белому Шпилю. Он присмотрелся к карте. Ну да, конечно: под одним из островков, расположенном чуть ли не на полях, значилось *Крайний*.

– Ага. – Квентин дотронулся до него, втайне опасаясь получить электрический шок. – Он ведь не по пути нам?

– Он в противоположной стороне. На востоке.

– Далеко до него?

– Два-три дня. Я ж говорю: карта старая, а острова эти движутся.

Красноречиво показывая мимикой, как ужасает его невежество Квентина, Бенедикт объяснил, что далекие острова Восточного океана никогда не остаются на том месте, где их нанесли на карту. Гласность им не по нраву, вот они и блуждают по морю с помощью некой тектонической магии, внося еще больше хаоса в географию.

Потом он шепотом сделал в уме какие-то вычисления и с высочайшей точностью – кто бы поверил, что это возможно

с нависающей на глаза челкой? – от руки нарисовал карандашом вокруг Крайнего правильный круг.

– Должен быть где-то в этих пределах.

Квентин смотрел на точку острова, запутавшуюся в паутине меридианов и параллелей. В их сеть лучше не попадаться: это уже не Филлори, но где-то там сияет волшебный ключ, и он, Квентин, мог бы вернуться во дворец вместе с ним.

В памяти всплыла альбомная обложка семидесятых годов: парусник на краю бездны, в которую рушатся зеленые воды моря. Он уже кренится, и течение увлекает его туда, но умный галс при хорошем ветре еще может его спасти. Одна команда капитана, и корабль избежит губительной участи.

Куда же он пойдет в таком разе? Домой? Э, нет. Рановато.

– Можно мне позаимствовать эту карту? – спросил Квентин. – Хочу показать ее капитану.

При смене курса теплый синий океан остался позади. Впереди вздыбился черный, и температура упала сразу на тридцать градусов. Холодный дождь шквалами поливал палубу. Квентин не заметил, в какой именно точке вода преобразилась в совершенно иную стихию: она не распадалась покорно под килем, а оказывала активное сопротивление, но «Мунт-жак» не терялся и резал ее почем зря.

Корабль преподнес им сюрприз, отрастив себе ниже ватерлинии – насколько было видно сквозь пену – два деревян-

ных плавника. Квентин, не зная, магия это или часть механизма, был бесконечно благодарен старому «олению», с лихвой вознаградившему короля за свое возрождение.

Ленивец, не вылезавший из трюма, должен был кое-что знать об этом, но когда Квентин пришел к нему, он крепко спал в обычном висячем состоянии, покачиваясь вместе с «Мунтжаком»: непогода ничуть не нарушила его безмятежности. В трюме стояла теплая, влажная, ленивая атмосфера, под ногами хлюпало ассорти из гнилых фруктовых кожурок.

Джулия тоже могла обладать какими-то сведениями; кроме того, Квентин хотел поговорить с ней о волшебном ключе. Больше на «Мунтжаке» волшебников не было, к тому же она владела недоступной Квентину магией. И он беспокоился за нее.

В плохую погоду она совсем затворилась в своей каюте: ледяная изморось даже Джулию, при всем ее духовном родстве с Филлори, пронимала. Квентина, идущего по проходу, швыряло от одной переборки к другой.

На миг, когда «Мунтжак» замер на гребне волны, в Квентине проснулся романтик. Неутоленная страсть захлопала кожистыми крыльями, но что фантазировать зря? Джулия так самодостаточна, так поглощена Филлори – трудно представить, что она вдруг захочет Квентина или кого-то еще из представителей гомо сапиенс. Если ей и недостает чего-то, то это скорее всего не бойфренд.

Но они, опять-таки, здесь вдвоем... затеряны на утлой

скорлупке посреди бурного океана. Вдали от хищных глаз Элиота и Дженет. Не настолько же далеко зашла Джулия, чтобы не понимать прелести корабельных романов. Сценарий пишется сам собой, а она пока не перестала быть человеком. Квентин постучался в ее каюту.

Подсознательно он всегда помнил, что Джулия относится к времени «до того». До Брекбиллса, до того, как он убедился в реальности магии, до всего. И Элис она не знала. Влюбиться в Джулию снова – все равно что обратить время вспять, начать все сначала. Иногда Квентин не понимал, в самом деле он влюблен или только хочет влюбиться, чтобы обрести утешение. Даже если и так? Мысль-то хорошая, так какая, собственно, разница.

Джулия, открывшая ему дверь, была голая. Нет, вообще-то в платье, но со спущенным верхом. Бледные конические груди, не слишком большие и не слишком маленькие, были само совершенство. В семнадцать Квентин месяцами воображал их себе, основываясь на визуальных данных, собранных с одетой модели, – и был довольно близок к правде, как выяснилось. Только соски бледнее и почти сливаются с кожей.

Он снова закрыл дверь – не захлопнул, просто закрыл.
– Господи боже, Джулия! – Это было сказано больше себе, чем ей.

Прошла минута. Он ждал, прислонившись спиной к переборке, и его сердце колотилось о твердое дерево. Он не

хотел, чтобы это произошло вот так. С чего ей вздумалось обнажаться – пошутить охота пришла? Слыша, как она движется там, за дверью, Квентин постучался опять, и на этот раз она открыла одетая.

– Какого черта?

– Извини, – проронила она и села на табуретку лицом к окнам каюты, не приглашая его войти. Он осторожно переступил порог.

Каюта, такая же, как у Квентина, была чуть больше благодаря причудливой планировке «Мунтжака». Здесь и двое могли поместиться, если одному сесть на койку. Под потолком плавал светящийся голубой шар вроде болотного огонька.

– Извини, – повторила Джулия. – Я забыла.

– Что забыла? – выпалил он более гневно, чем собирался. – Руки продеть в рукава? Не то чтобы я... – Закончить эту фразу не представлялось возможным. – Ладно, проехали.

Впервые за долгое время он видел ее в настоящем свете. Красива по-прежнему, но уж очень худая. И глаза все так же залиты чернотой – неужели навсегда такими останутся? Больше никаких перемен он не замечал, но это еще ничего не значило.

– Что я забыла? – Она смотрела на бушующие за окнами волны. – Не знаю. Забыла что.

– Ладно, но теперь-то ты вспомнила?

– Я забыла, как все иногда происходит. Даже не «как», а

«для чего». Для чего люди здороваются, принимают ванну, одеваются, читают, улыбаются, едят, говорят. Все эти человеческие привычки.

— Не понимаю. — Его гнев прошел. Он пытался прикинуть, насколько ей тяжело живется, и показатели каждый раз были выше прежних. — Ты ведь тоже человек — как это можно забыть?

— Не знаю. — Глаза, сплошь черные, уставились на него. — Я теряю это, и оно тоже теряет меня. Уходит.

— Что уходит? Что с тобой, Джулия? Может, тебе на Землю вернуться?

— Нет! — отрезала она, даже испугавшись как будто. — Ни за что.

— Но Бруклин-то наш ты помнишь? Джеймса, школу и все такое?

— Иногда вспоминаю. — Ее губы дернулись, и она заговорила почти по-старому. — В этом моя проблема и состоит. Брекбиллс я тоже вспоминала, никак не могла забыть.

Квентин помнил, как она вспоминала. После провала на экзамене ей полагалось напрочь забыть о школе волшебников. Но чары, стирающие память, почему-то сработали плохо, и Джулия не забыла.

Потому и оказалась здесь, на волшебном корабле, бороздящем воды волшебного океана. Потому и стала королевой потаенного мира. Пришла через все тернии к счастливой развязке, правильно? Как посмотреть. Это для Квентина

Филлори счастливая развязка, а для Джулии, может, и нет. Ей нужно что-то другое. Она все еще идет по своему извилистому пути, и ночь все ближе.

– Ты жалеешь, что не забыла про Брекбиллс? Жалеешь о Бруклине?

– Бывает. – Сложив руки, она прислонилась к стенке в позе, неудобной даже на посторонний взгляд. – Почему ты мне не помог? Почему не спас, когда я пришла к тебе в Честертоне?

Честный вопрос. Он сам себе его не раз задавал, но так и не нашел удовлетворительного ответа.

– Я не мог, Джулия, ты же знаешь. Ничего себе задача – устроить тебя в Брекбиллс, когда я сам насилу прошел.

– Ты мог бы видеться со мной. Учить меня тому, чему сам научился.

– Меня бы за это выгнали.

– Ну так потом, после выпуска...

– Что толку это теперь пережевывать? – Квентин, чувствуя под собой зыбкую почву, перешел в контратаку. – Ты просила напомнить о себе в Брекбиллсе – я это сделал. Думал, что теперь-то тебя найдут и сотрут тебе память на совесть, как у них водится.

– Напрасно думал. Когда меня начали искать, я уже растворилась в воздухе. – Джулия щелкнула пальцами. – Как по волшебству.

– Да и не вышло бы ничего из этих твоих уроков. Тоже

мне Микки-Маус, ученик чародея! А обо мне ты подумала? Всегда с дерьмом меня смешивала, а тут нате, я вся ваша, сэнсэй. Так это не работает.

– Ничего я не смешивала, просто спать с тобой не хотела, господи! – Табурет покачался на двух ножках и снова хлопнулся на четыре. – И спала бы, кстати, если б ты согласился.

– Ну, ты и так выучилась, как я погляжу.

– Само собой. Уж ты-то мог бы не удивляться, бросив меня в реальном мире без всякой помощи. С тебя все и началось. Хочешь знать, как все было? Я расскажу, только заработай сначала.

В каюте повисла тяжелая тишина. Свинцовое море окутывалось мраком, в окна плескала вода.

– Что бы с тобой ни случилось, Джулия, я этого не хотел. Прости.

Он сказал чистую правду, но были и другие правды, не столь привлекательные. В школе он бегал за ней, как собачка, а она спала с его лучшим другом. Потом они поменялись ролями, и Квентин на радостях отказал ей. Не только поэтому, но и поэтому тоже.

– Тогда я снова стала собой, потому что здорово разозлилась. – Джулия нарисовала что-то на запотевшем стекле и стерла. – Теперь это уходит.

Фиг с ним, с ключом, тут вопрос поважнее. Джулии нужна помощь, а не любовь.

– Скажи, что я должен сделать. – Он взял ее холодную ру-

ку в свою. — Я очень хочу помочь. Хочу, чтобы ты вспомнила.

Каюту освещал не только голубой шар. Теперь светилась и сама Джулия — вернее, что-то у нее внутри. Ее сердце. Квентин видел его сквозь кожу и даже сквозь платье.

— Я и вспоминаю. Здесь, в море, вдали от Филлори, все понемногу возвращается. — Она заулыбалась, и это было еще хуже прежнего пустого лица. — Навспоминала такое, чего и не видела никогда.

После тяжелого судового обеда Квентин откинул от стены свою койку и лег. Холод, тьма, непогода, разговор с Джулией — все это вместе вызывало у него ощущение, будто он уже неделю не спал. Дело было не столько в позднем времени, сколько в пройденных милях. Масляная лампа качалась, освещая грубо вытесанные бимсы над головой.

Он замерз и весь слипся от соли. Помыться бы — он ведь умеет опреснять соленую воду, — да пальцы отвыкли от колдовства, лучше уж побыть липким. А согреется он очень скоро. Сразу после отплытия он нашел на койке флотское одеяло, щетинистого зверя весом около десяти фунтов, способного выдержать беглый артиллерийский огонь. Не желая находиться в одной постели с тушей дикого вепря, Квентин поменял его на неуставную, постоянно сырую, но куда более уютную пуховую перину.

Убедившись, что по доброй воле сон к нему не придет, он сел и обвел взглядом книжные полки. В прежней жизни бессонница заставила бы его потянуться за книжкой из фил-

лорийской серии, но настоящее лишило его этого удовольствия. Не посмотреть ли, что это за «Семь золотых ключей» ему оставила Илейн.

Семь... на столько он не подписывался. Ему и одного хватит. Это был явно не роман, а детская сказка, набранная крупным шрифтом и с иллюстрациями в виде старинных гравюр. Илейн ее, наверно, конфисковала у Элинора – что за вредная тетка. На задней странице стоял штамп посольской библиотеки. Квентин поудобнее примостил подушку.

Жил-был вдовец, и была у него маленькая дочка, просто красавица. Ведьма, у которой своих детей не было, украла у него девочку, унесла ее со скрипучим хохотом и заперла в серебряном замке на краю света.

Отец отправился искать ключ от замка, чтобы освободить свою дочь. Весь жаркий день шел он без отдыха, а вечером остановился у речки, чтобы напиться. Нагнувшись к воде, он услышал тоненький голосок, говоривший: открой меня! Вдовец посмотрел и видит: к подводному камню прилипла ракушка, а рядом с ней в иле лежит крохотный золотой ключик.

Взял он ракушку, а в ней замочная скважина. Вдовец вставил туда ключик, повернул и открыл створку своим ножом. Устрица сразу умерла – это случается со всеми устрицами, когда вскрывают их раковины, – но внутри ее вместо жемчужины нашелся еще один золотой ключик, чуть больше первого.

Съел вдовец устрицу и дальше пошел. Скоро он увидел в лесу домик и постучался, чтобы спросить, не приютят ли его хозяева на ночь. Дверь была приоткрыта, он и вошел. Видит, весь дом уставлен кроватями и в каждой кто-нибудь спит — были там и мужчины, и женщины. Над одной кроватью, незакрытой, висели часы, но они не шли. Вдовец завел их взятым из ракушки ключиком и лег спать.

Утром часы пробили семь, разбудив и его, и остальных спящих. Каждый из них рассказывал ту же историю: шел по лесу, устал, пришел в этот домик и лег. Выходило так, что они проспали долгие годы, а то и века, пока не прозвонили часы. Стал вдовец собираться в дорогу и нашел под подушкой еще один золотой ключик, чуть больше второго.

В пути ему стало холодно: во всем мире похолодало, когда его дочь заточили в замке. Видит, сидит в беседке красавица и плачет из-за того, что ее арфа расстроилась. Для настройки он дал ей свой золотой ключик, а она ему другой, чуть побольше. В корнях одного дерева нашелся сундук, к которому подошел ключ арфистки, а в нем лежал другой, еще больше. Этим ключом вдовец отпер замок, но не тот, где томилось в неволе его дитя, а другой. В верхней комнате самой высокой башни лежал на столе еще один ключ.

Отец все шел и шел, не зная, сколько месяцев или лет миновало. Придя к морю, он сел в лодку, поднял парус и доплыл до самого края света. Там сидел человек, нарядно одетый. Свесив ноги за край, он охлопывал себя и выворачивал

карманы своего фрака.

«Экая досада, – сказал он. – Я потерял ключ от мира и не могу завести механизм. Теперь ни солнце, ни луна со звездами не взойдут больше, и мир погрузится в вечную ночь и холод».

Вдовец, понявший в своих странствиях, что ключи терять не годится, достал тот, что нашел в башне замка.

«Ну надо же, – сказал незнакомец. – Давай-ка его сюда».

Растянулся он на земле, не боясь запачкать нарядный костюм, опустил руку за край и ну заводить. Послышался громкий скрежет, а незнакомец сказал вдовцу, не прерывая своей работы: «Он у меня в заднем кармане, вытащи сам».

Отец девочки достал последний ключ, вернулся на свою лодку и обратно поплыл.

На удивление скоро он приплыл к волшебному замку, где ведьма давным-давно заперла его дочь. Серебряный замок, сверкая на солнце, парил высоко над землей, и идти к нему надо было по узкой серебряной лесенке, которая шаталась от ветра.

Но вдовец дошел и вставил свой ключ в скважину чугунных ворот. Как только он повернул его, ворота распахнулись, а за ними, будто только его и ждала, стояла прекрасная молодая женщина. Она была ростом с него и, как видно, научилась у ведьмы многому: волшебная сила так и шла от нее.

Но вдовец сразу узнал свою дочь.

«Красавица, это я, твой отец, – сказал он. – Я пришел,

чтобы забрать тебя домой».

«Какой ты мне отец, – ответила женщина. – Мой батюшка молодой, а ты старый». И рассмеялась скрипучим ведьминским смехом.

«Я правда твой отец, – настаивал он. – Просто я искал тебя очень долго».

«Мне все равно, – сказала красавица. – Ты освободил меня, и я благодарна тебе за это».

Она поцеловала его в щеку, вручила ему новый золотой ключ и улетела прочь вместе с ветром.

«Постой!» – закричал отец, но она уже пропала вдали. Посмотрел он ей вслед, сел и заплакал.

Больше он не видел ее, а ключ хранил при себе. Какая дверь и какой спрятанный за ней клад могли ему быть дороже прощального дара дочери?

Глава 8

Проснулся Квентин от крика впередсмотрящего: тот, как в вагоне метро, объявлял о земле. Надев поверх пижамы тяжелый плащ, Квентин вышел на палубу.

Всю ночь ему снились вдовец с дочерью, ведьма и золотые ключи. Сказка эта не давала ему покоя: он полагал, что конец у нее неправильный. Почему отец не объяснил дочери все как есть? Что там было непонятного? Стоило им поговорить как разумным людям, и все бы закончилось хорошо. Герои сказок почему-то никогда не рассуждают, как разумные люди.

Серые тучи нависали над самой грот-мачтой. Квентин прищурился и разглядел в тумане обетованный остров: до него было еще пара добрых часов.

Бингл на фордеке делал утреннюю зарядку. Общение с ним, весьма ограниченное, вызвало у Квентина подозрение, что лучший в Филлори боец на мечах страдает клинической депрессией. Бингл никогда не смеялся, даже не улыбался. Оба меча в кожаных ножнах он сложил на палубу и разогревался, действуя одними руками. Это чем-то походило на упражнения для пальцев, которые Квентин проделывал в Брекбиллсе.

Интересно, как люди становятся чемпионами вроде Бингла. Искателю приключений следовало бы рассмотреть

этот вопрос как следует. А что? Колдун опасен вдвойне, если он к тому же первоклассный боец. Не обязательно даже стремиться к высотам Бингла, надо лишь немного повысить уровень.

– Доброе утро, Бингл.

– Доброе утро, ваше высочество. – «Величеством» он Квентина не называл никогда, приберегая этот титул для верховного короля.

– Извини, что прерываю...

Бингл вообще-то не прерывался – можно было не извиняться. Квентин поднялся к нему по короткому трапу. Бингл сплел кисти рук вместе и вывернул так, что Квентин поморщился.

– Не мог бы ты мне дать пару уроков фехтования? Я уже учился, но не сильно продвинулся.

– Мне будет легче защищать вас, если вы сможете защищаться сами, – не меняя выражения лица, сказал Бингл.

– Я тоже так думаю.

Бингл тщательно расплел пальцы и оглядел короля с головы до ног. Потом нагнулся и одним плавным движением выхватил из ножен меч на поясе Квентина; Квентин, пожалуй, успел бы ему помешать, но клясться в этом не стал бы. Бингл обозрел меч, проверил, насколько он острый, прикинул на вес, задумался и сказал:

– Я дам вам другой клинок.

– А этот чем плох?

– Он хорош, но не годится для начинающего.

Квентин испугался, что Бингл сейчас сделает какую-то гадость – например, кинет меч за борт, – но тот лишь положил его на палубу рядом со своими клинками.

Сходяв вниз, боец принес учебное оружие: короткую тяжелую железяку, всю в масле, тупую, почти черную, без каких-либо украшений. Лезвие вместе с рукоятью было выковано из одной заготовки – столь примитивных изделий Квентин в Филлори не видел ни разу. Весил меч раза в полтора больше прежнего, а отсутствие ножен не позволяло блеснуть искусством скоростного выхватывания.

– Держите его прямо перед собой – вот так. – Бингл выпрямил руку Квентина в локте и вытянул параллельно палубе. Квентину показалось, что ее сейчас сведет судорогой. – Сколько сможете.

Квентин ждал дальнейших указаний, но Бингл преспокойно вернулся к разминке. Рука затекла, заболела, загорелась огнем. Он продержался минуты две, после чего Бингл велел ему переменить руки.

– Что это за стиль? – спросил Квентин.

– Наличие разных стилей – широко распространенное заблуждение.

– Понял.

– Принципы, которые никогда не меняются – это сила, баланс, упор и инерция. Из них-то и складывается стиль.

Квентин полагал, что разбирается в физике несколько

лучше Бингла, но не стал возражать.

Вместо того чтобы практиковать какую-то одну технику, объяснил Бингл, он овладел всеми видами боевых искусств, которые применяет в зависимости от места и обстоятельств. Объединенная метатехника, если угодно. Он долго странствовал по Филлори и другим землям, выискивая монахов-воинов в горных монастырях и уличных бойцов в городских трущобах, прежде чем стал тем, кого Квентин видит перед собой: ходячей энциклопедией боя на мечях. Сколько клятв он за это время нарушил и скольким женщинам изменил, о том лучше не поминать.

Квентин, меняя руки, вспоминал о своей прежней жизни в качестве полупрофессионального фокусника. Закладка основ – всегда самое трудное, поэтому охотников постигать какое-либо искусство никогда не бывает много. Так уж устроен мир: любая наука оказывается не просто труднее, чем ты ожидал, а выходит за рамки всех твоих ожиданий. Чтобы отвлечься, он наблюдал за Бинглом, который теперь крался по палубе, выписывая мечом в воздухе знаки конъюнкции, кельтские узлы и другие причудливые фигуры.

С моря полз морозящий туман, но остров Крайний был уже хорошо виден: скоро они причалят к нему. «Хватит с меня, – решил Квентин. – Надо хоть пижаму сменить на что-то другое, прежде чем отправляться на поиски золотого ключа».

– Все, Бингл, я спекся. – Квентин положил учебный меч на

палубу к двум другим. Руки взмыли в воздух, как невесомые. Боец кивнул, не нарушая своего ритма.

– Когда сможете держать его по полчаса и правой, и левой – скажите мне. – Пройдясь по палубе колесом, он неминуемо должен был свалиться с фордека, но как-то погасил инерцию в последний момент, вонзил меч между ребер воображаемого противника, вытащил и вытер клинок о штанину.

Парой уроков дело, пожалуй, не обойдется.

– Будьте осторожны с моей наукой, – предупредил Бингл. – То, что начертано мечом, не подлежит исправлению.

– Я тебя для того и взял на службу, чтобы ничего не чертить самому.

– Иногда мне кажется, что я – меч судьбы. И она обращается со мной очень круто.

Каково это – быть столь беззастенчиво мелодраматичным? Возможно, даже приятно.

– Знаешь, наше путешествие особой крутизны не сулит. Скоро вернемся домой, в Белый Шпиль, и ты поедешь смотреть свой замок.

Бингл стал лицом к ветру. Квентин в его личной истории был, видимо, лишь второстепенным персонажем, хористом, даже в программке не упомянутым.

– Я больше никогда не увижу Филлори.

Квентина помимо воли пробрало холодом – как будто он и без того замерз недостаточно.

Выше серых береговых скал росла тощая трава, где паслись овцы. Если Дальний был тропическим раем, то Крайний вполне мог бы входить в Гебридский архипелаг.

«Мунтжак» бросил якорь в маленькой гавани. Дождь поливал пару рыбацких лодок – остальные, судя по пустующим буйкам, ушли в море. Жуть что за мрачное место. Более предприимчивый король, наверно, постарался бы присоединить его к Филлори, только стоит ли? Жемчужиной короны этот остров точно не станет.

Пристани здесь не было, в бухте гуляли волны. Баркас с трудом пробился через прибой. Квентин спрыгнул, оказавшись по пояс в воде, и побрел к скалистому берегу. Двое рыбаков, покуривая, чинили огромный спутанный невод. Одинаковые кирпичные лица детей природы, одинаково туповатый взгляд, одинаково низкие лбы – волосы у них начинали расти от самых бровей. Лет им могло быть от тридцати до шестидесяти.

– Ахой! – крикнул им Квентин.

Они, кивнув, пробурчали что-то в ответ. Один притронулся к шапке. Он же, после кратких переговоров, показал, в какой стороне находится ближайшее и, похоже, единственное селение. Квентин, Бингл и Бенедикт, поблагодарив его, стали подниматься по холодному белому песку с черными приливными метками. Джулия молча следовала за ними. Квентин уговаривал ее остаться на корабле, но она настояла: что бы там ни происходило внутри ее, от компании она откалы-

ваться не собиралась.

— Я уж и не жду, что нам кто-то обрадуется, — сказал Квентин, — но хоть удивиться они могли бы.

Дождь теперь налетал порывами. Мокрые штаны натирали в нежных местах. За пляжем потянулись дюны с меч-травой на гребнях, далее песок с обыкновенной травой, далее трава с песком, далее просто трава. Тропинка вела через бугристые неогороженные луга и пригорки мимо заброшенного колодца. Квентин пытался ощутить героический энтузиазм, но ландшафт этому мало способствовал, а погода напоминала тот день, когда он, прогулявшись с Джеймсом и Джулией по Пятой бруклинской авеню, очутился в Брекбиллсе. *Был один паренек в старину по имени Дэйв-о...*

Городишко, до которого они наконец добрались, был взят прямоком из Средних веков: каменные домишки с камышовыми крышами и немощные улицы. Отличительной чертой местных жителей было безразличие, выказываемое ими к странно одетым пришельцам. На улице у пивной сидели за столом несколько человек; они жевали что-то наподобие сэндвичей и пили эль из железных кружек, даже не помышляя укрыться от непогоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.